

2019

ВЕСТНИК

ЕВРАЗИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ОРГАНОВ
КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

**Конституционное
П Р А В О С У Д И Е**

Вестник
Евразийской ассоциации
органов конституционного контроля

Выпуск 1 (79)
Издается Конституционным Советом
Республики Казахстан
Нур-Султан - 2019

Председатель редакционного совета

ШАПАК Унзила

Член Конституционного Совета Республики Казахстан

Редакционный совет:

ГАРАДЖАЕВ Джейхун

судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ВОРОНОВИЧ Тадеуш Валентинович

судья Конституционного Суда Республики Беларусь

ТОХЯН Феликс Папинович

судья Конституционного Суда Республики Армения

БОБУКЕЕВА Меергуль Рыскулбековна

судья-секретарь Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики

ДАМДИНСУРЭН Солонго

судья Конституционного Суда Монголии

КОКОТОВ Александр Николаевич

судья Конституционного Суда Российской Федерации

ХОШИМЗОДА Даврон Дододжон

судья Конституционного Суда Республики Таджикистан

ГАФУРОВ Аскаржон Бойисович

заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Узбекистан

Содержание

ВОРОНОВИЧ Т.В.

Роль конституционного правосудия в становлении современного конституционализма 5

СЕРГЕВНИИ С.Л.

Реальность Конституции в контексте ее реализации и охраны 21

Из практики конституционного контроля

Постановления Пленума

Конституционного Суда Азербайджанской Республики 32

Резюме решений Конституционного Суда Республики Беларусь 61

Послание Конституционного Совета Республики Казахстан «О состоянии конституционной законности в Республике Казахстан» 73

Решения Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики 86

Мероприятия в государствах - членах Евразийской ассоциации органов конституционного контроля 111

Протокол заседания Ассоциации 115

Список участников заседания Ассоциации 117

Т.В. ВОРОНОВИЧ,
судья Конституционного Суда
Республики Беларусь,
кандидат юридических наук,
заслуженный юрист Республики Беларусь

Роль конституционного правосудия в становлении современного конституционализма

В настоящее время конституционализм является определяющим фактором становления демократического социального правового государства.

В работе не преследуется цель подробно проанализировать многочисленные точки зрения о сущности такого правового явления как конституционализм, высказанные, например, М.В. Баглаем[1], А.В. Барахиным[2], Н.М. Добрыниным[3,4], А.А. Джагаряном и Н.В. Джагарян[5], Н.А. Савченко[6], Б.Р. Сергазиновым[7], В.Е. Чиркиным[8] и др. Однако следует отметить, что практически все авторы сходятся в мнении о необходимости отличать конституционализм, провозглашенный конституцией в качестве идеала (цели), от конституционализма реализованного, воплощенного в жизнь.

Конституционализм как идеал имеет целью построение демократического социального правового государства, в котором господствуют верховенство права, социальная и юридическая справедливость, человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, а государство принимает все доступные меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления этих прав и свобод.

Реальный конституционализм означает системное и осмысленное наличие конституционных ценностей в общественной жизни, поэтому путь от конституции к конституционализму, то есть от желаемого к реальному, лежит через конституционализацию общественных отношений. Конституционализм существует лишь тогда, когда установленные конституцией и сформировавшиеся реальные общественные отношения совпадают.

Исходя из указанного, для жизнедеятельности конституционализма в нашей стране необходимо, чтобы Конституция Республики Беларусь (далее — Конституция) как Основной Закон поддерживалась всем строем общественной и государственной жизни, что обуславливает необходимость конституционализации общественных

отношений.

Одним из ключевых институтов обеспечения, защиты и развития принципов современного конституционализма выступает конституционное правосудие, главное предназначение которого судебная охрана Основного Закона, то есть защита реального положения Конституции в обществе и государстве.

Принимаемые Конституционным Судом Республики Беларусь (далее — Конституционный Суд) решения и формулируемые в них правовые позиции, направленные на установление верховенства Конституции и верховенства права, обеспечение конституционной законности, на защиту конституционных прав и свобод личности, являются важной предпосылкой утверждения в Республике Беларусь реального конституционализма.

В Послании Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь “О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году” Конституционный Суд указал, что воплощение в жизнь верховенства и прямого действия Конституции Республики Беларусь, утверждение конституционной законности обуславливают становление в Республике Беларусь конституционализма как особого состояния общества и государства, всей совокупности общественных отношений, развивающихся в конституционном русле. Такое качественное конституционно — правовое состояние общества и государства определяется уровнем конституционной культуры, которая находит проявление в принятии законов и иных нормативных правовых актов в строгом соответствии с Конституцией, соблюдении общепризнанных принципов и стандартов в области прав человека, обуславливает конституционализацию правосознания [9].

Исходя из указанных подходов Конституционного Суда к определению конституционализма и его качественных характеристик, полагаем, что к важнейшим условиям конституционализации общественных отношений следует отнести обеспечение и защиту прав и свобод человека, и гражданина, а также конституционализацию правовой системы, в том числе законодательства.

Права и свободы человека, которые определяют основу его конституционно — правового статуса, закреплены в Основном Законе государства, поскольку именно они являются жизненно необходимыми и социально значимыми как для конкретного человека, так и для общества и государства. Для индивида они выступают условием достойного и свободного его существования, естественным правом на участие в решении вопросов устройства социума и управления им, экономической и социальной предпосылкой удовлетворения его насущных материальных и духовных потребностей. Для государства

значимость конституционно закрепленных прав выражается в том, что их реализация означает претворение в жизнь сущностных свойств государства как конституционного, а значит, и правового.

Как справедливо указывает С.Д. Князев, особая ответственность за фактическое состояние конституционализма, при всей важности правотворческих полномочий парламента, возлагается на конституционное правосудие. Обусловлено это тем, что, осуществляя конституционный нормоконтроль и обладая эксклюзивной возможностью официального толкования основного закона, конституционные суды вынуждены решать двуединую задачу: защищать неизменность принципиальных основ конституции и одновременно не забывать о потребностях ее преобразования, обеспечивающего преемственность конституционных ценностей, их своеобразное воспроизводство в изменяющихся исторических реалиях и передачу от поколения к поколению [10].

При осуществлении конституционной функции контроля за конституционностью нормативных актов в государстве (часть первая статьи 116 Конституции), исходя из конституционных положений о человеке, его правах, свободах и гарантиях их реализации как высшей ценности и цели общества и государства, Конституционный Суд критерием оценки конституционности законов определил обеспечение правового регулирования, необходимого для осуществления конституционных прав и свобод.

Так, в решении от 7 июля 2017 г. “О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно — процессуальный кодексы Республики Беларусь”” Конституционный Суд указал, что закрепляемая проверяемым Законом возможность реабилитации лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, вследствие установления его невиновности в совершении деяния, предусмотренного уголовным законом, свидетельствует о реализации в уголовном процессе конституционных принципов и норм, гарантирующих достоинство личности, право каждого на защиту от посягательства на его честь и достоинство, презумпцию невиновности, равенство всех перед законом, право каждого на судебную защиту (статья 22, часть первая статьи 25, статьи 26 и 28, часть первая статьи 60 Конституции) применительно к личности умершего подозреваемого, обвиняемого. Реализация в законодательстве конституционных гарантий соблюдения прав и свобод является одним из условий обеспечения верховенства права в правовом демократическом государстве, а также показателем состояния конституционализма в стране [11].

Конституционный Суд, подтверждая соответствие принятых

Национальным собранием Республики Беларусь законов Конституции и международно — правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, отмечал в решениях, что правовые нормы направлены на достижение и обеспечение свобод граждан, укрепление конституционной законности. Неукоснительное следование в законотворчестве принципам и нормам Конституции обеспечивает конституционность принимаемых законов, гарантирует защиту прав и свобод личности, укрепляет конституционные основы демократического социального правового государства, стабильность правового регулирования. В совершенствовании и развитии правовой системы особая роль отводится конституционным ценностям и конституционализму.

В Послании “О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году” Конституционный Суд указал, что конституционализация права обеспечивается законодательством, основанным на верховенстве Конституции как определяющем факторе гармоничного и устойчивого развития общества и государства. При осуществлении правового регулирования общественных отношений от нормотворческих органов требуются последовательная и системная реализация, развитие конституционных принципов и ценностей в целях легитимности и социальной приемлемости нормативных правовых актов [9].

Необходимо отметить, что право, как таковое в природе не существует. Как указывает В.В. Кочетков, право находит свое выражение (оформляется) в законе; при этом верховенство права не тождественно верховенству закона, поскольку при злоупотреблениях власти в форму закона может облекаться и произвол; границей же, четко отделяющей закон как право от закона как злоупотребления власти, является мера соблюдения прав и свобод человека [12].

При анализе подходов к выработке критериев оценки правового характера законов В.В. Подгруша, не отрицая роли теории в становлении и познании права, отмечает, что право становится животворящим посредством правовых норм, основанных на конституционных принципах и отвечающих конституционным ценностям и целям. При этом данный автор считает, что о верховенстве права можно вести речь, когда нормативные акты, прежде всего законы, будут не просто наполнены юридическим содержанием, а смогут отвечать духу права в его высоком понимании, требованиям добра и справедливости, разумности и гуманизма. По мнению В.В. Подгруши, нормотворческому органу при принятии нормативного акта в целях повышения его качества до уровня действительно правового акта следует учитывать, что акт должен: отражать естественно — правовые начала, закрепленные в конституции и основанных на ней законах, соответствовать международно — правовым обязательствам государства в области прав

человека и гражданина; быть принятым легитимными органами государственной власти; содержать правовые конструкции и механизмы правового регулирования, делающие его ясным и точным, доступным и понятным, непротиворечивым [13, с. 219].

Полагаем, что основываясь на практике конституционного правосудия, к критериям, определяющим правовой характер принимаемых нормативных правовых актов, наряду с вышеуказанными, можно также отнести следующие: реализация и развитие в них, прежде всего в законах, таких основополагающих принципов, как приоритет прав и свобод человека, верховенство права, равенство и справедливость; обеспечение стабильности, последовательности и преемственности законодательного регулирования; недопущение избыточного правового регулирования, излишней детализации отдельных положений законов, исключение необоснованного применения в них отсылочных и бланкетных норм; способность принимаемых актов отвечать правомерным ожиданиям граждан и иных субъектов правоотношений, соответствовать принципу предсказуемости.

Несомненный интерес представляет позиция С.Д. Князева, указывающего, что в последнее время Конституционный Суд Российской Федерации все чаще, особенно в тех случаях, когда отступление от требований Конституции обусловлено не самим законом, а его правоприменительной интерпретацией, воздерживается от вердикта о неконституционности нормы, выявляя ее конституционно — правовой смысл, который, учитывая юридическое значение решений Конституционного Суда, становится обязательным для всех органов и должностных лиц. Действуя подобным образом, Конституционный Суд фактически признает закон условно соответствующим Конституции, обязывая всех следовать определенному варианту его истолкования, любое отступление от которого будет означать нарушение Конституции. Автор делает вывод, что использование таких возможностей позволяет Конституционному Суду не порождать законодательных пробелов и не вторгаться (даже в режиме временного правового регулирования) в законотворческие полномочия Парламента [14].

Обращаясь к практике осуществления конституционного правосудия в Республике Беларусь, следует отметить, что взаимодействие Конституционного Суда и Парламента – Национального собрания носит конструктивный и уважительный характер, что полностью соответствует конституционному принципу разделения властей и взаимодействия государственных органов между собой (статья 6 Конституции).

Формулируя правовые позиции, Конституционный Суд исходит в том числе из необходимости поддержания авторитета законодателя и направления совместных усилий на конституционализацию общест-

венных отношений.

В ходе осуществления обязательного предварительного контроля конституционности законов, принятых Национальным собранием, Конституционный Суд, отмечая в ряде решений реализацию в проверенных законах конституционных положений, обращал внимание на то, что Конституция предоставляет законодателю достаточно широкие дискреционные полномочия, то есть возможность усмотрения, “пространство выбора” в регулировании конкретных общественных отношений, определении особенностей правового регулирования, установлении, изменении и ограничении субъективных прав, условий и механизмов их реализации. Однако при реализации своих полномочий законодатель действует в границах, определенных конституционными принципами и нормами, при этом он должен учитывать необходимость поддержания баланса и соразмерности конституционно защищаемых ценностей, целей и интересов, которые находятся в единстве, и не допускать подмены одной ценности другой или их умаления.

В ряде решений Конституционный Суд подчеркивал необходимость соответствия законотворческой деятельности конституционным принципам в качестве обязательного условия обеспечения верховенства права, соблюдения прав человека, гарантий их реализации и эффективной защиты.

Среди конституционных принципов, определяющих основные начала взаимодействия государства и личности в актах Конституционного Суда, обращалось внимание на необходимость реализации принципов взаимной ответственности государства и гражданина; равенства всех перед законом; пропорциональности ограничения прав и свобод личности; недопустимости придания обратной силы закону, за исключением случаев, когда он смягчает или отменяет ответственность граждан; гуманизма; справедливости.

Отметим, что при осуществлении обязательного предварительного контроля конституционности законов указанные принципы применялись Конституционным Судом в качестве критериев оценки конституционности положений проверяемых законов, в том числе предусматривающих ограничение конституционных прав и свобод личности.

Обращаясь к принципу пропорциональности, допускающему ограничение прав и свобод личности, приведем мнение В.Д. Зорькина, указавшего, что свобода личности не абсолютна, она связана определенными рамками, пределами, образующими коридор ее возможностей; свобода в правовом сообществе тем и отличается от анархии и безнормия, что в реальной жизни она лимитирована правилами поведения, установленными властью. Свобода регулируется законом, а закон задает рамки для свободы [15].

В соответствии с правовыми позициями, сформулированными Конституционным Судом в ряде решений, с учетом принципа пропорциональности правовые ограничения, какими бы ни были основания для их установления, должны обеспечивать надлежащий баланс интересов граждан и государства. В то же время ограничения конституционных прав должны быть юридически допустимыми, социально оправданными, адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты других конституционно значимых ценностей, а также отвечать требованиям справедливости.

Так, в решении от 7 июля 2017 г. при оценке конституционности статьи 132 Уголовно — процессуального кодекса, излагаемой в новой редакции в соответствии с Законом Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно — процессуальный кодексы Республики Беларусь”, Конституционным Судом отмечено, что наложением в рамках уголовного процесса ареста на имущество граждан и организаций в определенной мере затрагиваются гарантированные Конституцией каждому право собственности и ее неприкосновенность (части первая и вторая статьи 44). Согласно Конституции, ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в том числе в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты прав и свобод других лиц (часть первая статьи 23).

По мнению Конституционного Суда, вводимые проверяемым Законом ограничения отвечают указанным в Конституции интересам, поскольку данное законодательное регулирование направлено на защиту прав и свобод граждан, общественных и государственных интересов путем создания правового механизма противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и воспрепятствования финансированию терроризма, экстремизма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступной организации, распространения оружия массового поражения. Нормы Закона в этой части имеют целью обеспечение должного баланса публично — правовых и частноправовых интересов, поскольку наложение ареста на имущество других лиц, будучи мерой процессуального принуждения, по своей сути выступает также мерой предупредительной, которая не связана с лишением собственности, а является лишь ограничением со стороны государства возможности собственника бесконтрольно распоряжаться имуществом до установления его фактической принадлежности, источников происхождения и законности отчуждения. В данном случае конституционное право собственника свободно владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом поставлено в определенные границы с целью его сочетания с общими интересами, чем обеспечивается должный баланс публично — правовых и частноправовых

интересов [11].

С целью исключения неконституционности законодательного регулирования и упреждения неконституционного правоприменения Конституционным Судом в ходе осуществления обязательного предварительного контроля формулировались также правовые позиции, направленные на устранение выявленных пробелов и иных дефектов законодательного регулирования, влекущих возможность неконституционного правоприменения.

В решении Конституционного Суда от 28 декабря 2017 г. “О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь”” отмечено, что согласно части пятой статьи 116 Конституции нормативные правовые акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу в порядке, определяемом законом.

Частью шестой статьи 85 Закона “О конституционном судопроизводстве” установлено, что нормативные правовые акты, признанные согласно заключениям Конституционного Суда, не соответствующими Конституции, международно — правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам Президента Республики Беларусь, не могут применяться судами, другими государственными органами, иными организациями, должностными лицами. Если иное не установлено Конституционным Судом, основанные на таких актах решения судов должны быть в установленном порядке пересмотрены, а принятые (изданные) другими государственными органами, иными организациями, должностными лицами правовые акты — прекратить свое действие.

Данные нормы предполагают наличие соответствующего законодательного регулирования, обеспечивающего пересмотр судебных решений в связи с новым основанием — признанием Конституционным Судом не соответствующими Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам Президента Республики Беларусь нормативных правовых актов, примененных в конкретном деле. Однако в нормах проверяемого Закона, которыми определяется производство по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам (глава 34 Гражданского процессуального кодекса), указанное обстоятельство не включено в перечень оснований для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, что свидетельствует о пробеле конституционно-правового регулирования общественных отношений в данной сфере.

Конституционный Суд пришел к выводу, что законодателю при

дальнейшем совершенствовании гражданского процессуального законодательства необходимо устранить пробел конституционно — правового регулирования пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам путем отнесения к ним в том числе признания Конституционным Судом не соответствующими Конституции, международно — правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам Президента Республики Беларусь нормативных правовых актов, послуживших основаниями для вынесения судебных решений [16].

При осуществлении полномочий принимать решения об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности Конституционный Суд в принимаемых решениях, наряду с признанием необходимым устранения в нормативных правовых актах дефектов правового регулирования, в том числе выявленных правоприменительной практикой, ориентировал законодателя и иные нормотворческие органы на недопущение ослабления конституционных гарантий прав и свобод человека по причине наличия в нормативных правовых актах пробелов и других дефектов правового регулирования.

Так, в решении Конституционного Суда от 11 июля 2018 г. “О праве и порядке обжалования в суд осужденными к ограничению свободы, исправительным работам и иным видам наказания примененных к ним мер взыскания” указано, что право на судебную защиту, закрепленное в статье 60 Конституции, предполагает наличие конкретных правовых механизмов эффективного восстановления в правах. Из анализа содержания данной статьи во взаимосвязи ее со статьей 6, частью первой статьи 109 и частью первой статьи 115 Конституции, содержащими положения о самостоятельности судебной власти, принадлежащей в Республике Беларусь судам, об осуществлении правосудия на основе состязательности и равенства сторон в процессе, следует, что конституционное право на судебную защиту — это право не только на обращение в суд, но и на получение реальной защиты в результате осуществления судебной власти посредством определенных видов судопроизводства.

Конституционный Суд пришел к выводу, что отсутствие в Уголовно — исполнительном и Гражданско — процессуальном кодексах норм, устанавливающих право и порядок обжалования осужденными к ограничению свободы, исправительным работам и иным видам наказания примененных к ним мер взыскания, нарушает конституционные гарантии судебной защиты прав граждан, не позволяет указанным осужденным надлежащим образом защищать свои права и свободы и, как следствие, не способствует своевременности и эффективности восстановления нарушенных прав.

Снижение уровня гарантий судебной защиты лиц, осужденных в том числе к исправительным работам, ограничению свободы и иным видам наказания, права и законные интересы которых, по их мнению, нарушаются решениями должностных лиц органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, по сравнению с осужденными, право которых на оспаривание таких решений установлено в законодательном порядке, нельзя признать справедливым и соответствующим положениям статьи 22 Конституции, гарантирующей равенство всех перед законом и право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов.

В целях реализации конституционного права каждого на судебную защиту, обеспечения верховенства права и правовой определенности в действующем правовом регулировании Конституционный Суд признал необходимым внести в Уголовно — исполнительный и Гражданский процессуальный кодексы изменения, устанавливающие право и порядок обжалования в суд осужденными к ограничению свободы, исправительным работам и иным видам наказания примененных к ним мер взыскания [17].

В решении от 26 сентября 2018 г. “О законодательном регулировании обеспечения адвокатской тайны в уголовном процессе” Конституционный Суд указал, что положения Конституции (часть первая статьи 25, статьи 26 — 28, часть первая статьи 62) и международно — правовых актов (статья 12 Всеобщей декларации прав человека и статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах) определяют обязанность государства обеспечить законодательное регулирование, устанавливающее такие условия для реализации гражданами конституционного права на юридическую помощь и эффективного осуществления адвокатами деятельности по ее оказанию, при наличии которых гражданин имел бы возможность свободно сообщать адвокату необходимые сведения, а адвокат — возможность сохранять конфиденциальность полученной информации.

На основании анализа действующего законодательного регулирования в части обеспечения и защиты адвокатской тайны при производстве некоторых следственных действий (осмотра, обыска и выемки) Конституционный Суд сделал вывод о наличии в Уголовно-процессуальном кодексе правового пробела, который в процессе правоприменения может приводить к нарушению конституционных прав, в том числе закрепленных в статьях 28 и 62 Конституции.

Конституционный Суд принял решение об устранении правового пробела в действующем правовом регулировании, в связи с чем признал необходимым установить в уголовно — процессуальном законе дополнительные гарантии, исключающие в ходе проведения осмотра, обыска и выемки, при которых предполагается доступ к материалам

адвокатских производств (досье), возможность получения органами, осуществляющими уголовное преследование, сведений, составляющих охраняемую законом адвокатскую тайну [18].

Таким образом, в решениях и изложенных в них правовых позициях Конституционный Суд определял различные варианты воздействия на законотворческую деятельность, имеющие целью обеспечение наиболее эффективного развития законодательства в конституционном русле.

Наряду с этим от законотворческих органов также требуется обратная связь, в первую очередь в части обязательного исполнения решений Конституционного Суда. Так, в Послании “О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году” Конституционный Суд отметил, что своевременное и полное исполнение его решений способствует утверждению конституционной законности, поддержанию высокого уровня доверия граждан к правосудию и деятельности органов государственной власти, свидетельствует о реализации конституционных гарантий защиты прав, свобод и законных интересов каждого, что представляет собой реальное проявление конституционализма как неотъемлемой части правосознания личности и правовой культуры общества в целом [9].

Применительно к российскому законодательству одним из резервов повышения его качества, по мнению В.Д. Зорькина, является более глубокое и творческое отношение к реализации решений Конституционного Суда. Как указывает автор, главное, чтобы Парламент, учитывая решения Конституционного Суда, не ориентировался только на его итоговые выводы (что, кстати, нередко делается путем дословного воспроизведения резолютивной части постановлений). Важно иметь в виду, что Конституционный Суд, принимая решение по конкретному делу, ограничен предметом проверки, а Парламент не связан подобными рамками и может распространять правовые позиции Конституционного Суда за пределы проверенных им норм. Законодателю желательно внимательнее относиться к мотивировочной части решений Конституционного Суда, где нередко даются общие ориентиры для правового регулирования соответствующих общественных отношений [19].

Данное суждение в полной мере актуально также при выработке направлений совершенствования отечественной правовой системы.

Следует отметить, что эффективность реализации положений Конституции, законодательных актов зависит также от правильного уяснения их смысла и содержания, поскольку ошибочная интерпретация текста может приводить к негативным последствиям: конфликтам между органами власти, нарушениям прав и свобод человека и др.

В связи с этим для конституционного судопроизводства особое значение имеют познание смысла идей законодателя, уяснение его воли, что обусловлено потребностями точного понимания содержания законодательных норм, выявления их истинного смысла с целью правильного соотношения с реальной юридической практикой, а также оценки степени корреляции с положениями Конституции. Конституционный Суд при осуществлении конституционного правосудия, наряду с проверкой соответствия законодательных норм положениям Конституции, выявляет конституционно — правовой смысл правовых норм, раскрывает содержание конституционных принципов, формулирует правовые позиции, направленные на установление конституционно — правового режима как законотворчества, так и правоприменения, способствуя тем самым утверждению в Республике Беларусь современного конституционализма.

В заключение отметим, что в обобщенном виде конституционализм можно определить, как системное и осмысленное наличие конституционных ценностей в общественной жизни.

Развитие современного конституционализма имеет целью утверждение демократического правового социального государства, обеспечение и защиту конституционных прав и свобод человека, и гражданина, повышение уровня конституционной демократии и роли гражданина как активного участника конституционных отношений.

Становление реального конституционализма осуществляется путем конституционализации общественных отношений посредством реализации и развития ценностей Конституции в законотворчестве и правоприменении, создания конституционно — правового режима, обеспечивающего гармоничное развитие личности, защиту прав и свобод человека, формирования конституционной культуры общества и конституционно ориентированного правосознания каждого.

Важная роль в конституционализации общественных отношений отводится конституционному правосудию, посредством которого обеспечивается правовая охрана Конституции, защищаются конституционные права и свободы человека и гражданина, утверждается конституционная законность в законотворчестве и правоприменении. При этом правовые средства охраны Конституции: проверка конституционности законов и иных нормативных правовых актов, установление конституционно — правового смысла правовых норм, выявление и раскрытие содержания конституционных принципов, формулирование конституционной обязанности законодателя или правоприменителя, определение конституционного режима применения норм, связанных с конституционными правоотношениями, одновременно выступают средствами воздействия конституционного правосудия на развитие правовой системы.

Тесное переплетение идеи и практики конституционализма с реализацией и защитой прав и свобод человека способно обеспечивать эффект устойчивости конституционного правопорядка, повышения уровня социально — экономической жизни общества, удовлетворенности человека своим положением в государстве и обществе.

Список использованных источников

1. М.В. Баглай, Конституционализм и политическая система в современной России [Электронный ресурс] / М.В. Баглай // Журн. рос. права. – 2003. – № 11 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО “Консультант Плюс”. – М., 2018.

2. Большой юридический энциклопедический словарь. – М.: Книжн. мир, 2005. – 720 с.

3. Н.М. Добрынин, Деконституционализация – ожидаемое или норма жизни / Н.М. Добрынин // Государство и право. – 2010. – № 5. – С. 5–14.

4. Н.М. Добрынин, Размышление о российском конституционализме: современное состояние, конформизм или же необходимость реальной конституционной реформы [Электронный ресурс] / Н.М. Добрынин // Конституц. и муниципальн. право. – 2013. – № 12 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО “Консультант Плюс”. – М., 2018.

5. А.А. Джагарян, Российский конституционализм: к обретению идеала [Электронный ресурс] / А.А. Джагарян, Н.В. Джагарян // Журн. рос. права. – 2013. – № 9 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО “Консультант Плюс”. – М., 2018.

6. Н.А. Савченко, Актуальные проблемы российского конституционализма [Электронный ресурс] / Н.А. Савченко // Конституц. и муниципальн. право. – 2014. – № 7 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО “Консультант Плюс”. – М., 2018.

7. Б.Р. Сергазинов, К вопросу о теоретическом осмыслении конституционализма, конституционного процесса и конституционно — процессуальных правоотношений [Электронный ресурс] / Б.Р. Сергазинов // Конституц. и муниципальн. право. – 2013. – № 11 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО “Консультант Плюс”. – М., 2018.

8. В.Е. Чиркин, Современные проблемы российского конституционализма: переосмысление ценностей / В.Е. Чиркин // Вестн. Междунар. ун-та: Сер. “Право”. Вып. 4. – М.: Междунар. ун-т, 2000. –

9. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 23 янв. 2018 г., № Р-1120/2018 // Веснік Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2018. – 1. – С. 35–62.

10. С.Д. Князев, Стабильность Конституции и ее значение для

современного российского конституционализма [Электронный ресурс] / С.Д. Князев // Конституц. и муниципальн. право. – 2015. – № 1 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО “Консультант Плюс”. – М., 2018.

11. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно — процессуальный кодексы Республики Беларусь”: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 7 июля 2017 г. № Р-1096/2018 // Веснік Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2017. – № 3. – С. 21–33.

12. В.В. Кочетков, Современный российский конституционализм: рецепция публично-правовых институтов или имплементация ценностей? [Электронный ресурс] / В.В. Кочетков // Lex russica. – 2015. – № 11 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО “Консультант Плюс”. – М., 2018.

13. В.В. Подгруша, Правовой закон как критерий утверждения верховенства права / В.В. Подгурша // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении: материалы Междунар. конф., г. Минск, 27–28 апр. 2017 г. / Конституц. Суд Респ. Беларусь; редкол. Н.А. Карпович [и др.]. – Минск: СтройМедиаПроект, 2017. – 249 с.

14. С.Д. Князев, Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации [Электронный ресурс] / С.Д. Князев // Журн. рос. права. – 2013. – № 12 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО “Консультант Плюс” – М., 2018.

15. В.Д. Зорькин, Аксиологические аспекты Конституции России [Электронный ресурс] / В.Д. Зорькин // Сравнит. конституц. обозрение. – 2008. – № 4 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО “Консультант Плюс”. – М., 2018.

16. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь”: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 28 декабря 2017 г. № Р-1111/2017 // Веснік Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2017. – № 4. – С. 49–58.

17. О праве и порядке обжалования в суд осужденными к ограничению свободы, исправительным работам и иным видам наказания примененных к ним мер взыскания: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 11 июля 2018 г. № Р-1141/2018 // Веснік Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2018. – № 3. – С. 116–125.

18. О законодательном регулировании обеспечения адвокатской тайны в уголовном процессе: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 26 сентября 2018 г. № Р-1144/2018 // Веснік Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2018. – № 3. – С. 160–171.

19. В.Д. Зорькин, Конституция живет в законах. Резервы

повышения качества российского законодательства [Электронный ресурс] / В.Д. Зорькин // Журн. конституц. правосудия. – 2015. – № 3 / Консультант Плюс. Россия / ЗАО “Консультант Плюс”. – М., 2018.

Аннотация

Статья посвящена анализу актуальных аспектов становления современного конституционализма.

К числу важнейших условий конституционализации общественных отношений автор относит обеспечение и защиту прав и свобод человека, и гражданина, конституционализацию правовой системы, в том числе законодательства.

Особое внимание уделено анализу роли и форм влияния конституционного правосудия на утверждение реального конституционализма. При этом отмечено, что используемые Конституционным Судом правовые средства охраны Конституции (проверка конституционности нормативных правовых актов, установление конституционно — правового смысла правовых норм, выявление и раскрытие содержания конституционных принципов и др.) одновременно выступают средствами воздействия конституционного правосудия на развитие правовой системы.

Основываясь на практике осуществления конституционного правосудия, автор указывает на конструктивный и уважительный характер взаимодействия Конституционного Суда и Парламента — Национального собрания Республики Беларусь.

Отмечено, что в решениях и изложенных в них правовых позициях Конституционный Суд определял различные варианты воздействия на законотворческую деятельность, имеющие целью обеспечение наиболее эффективного развития законодательства в конституционном русле. При формировании правовых позиций Конституционный Суд исходил в том числе из необходимости поддержания авторитета законодателя и направлении совместных усилий на конституционализацию общественных отношений. Наряду с этим обращено внимание на необходимость обратной связи от законодателя, в первую очередь в части своевременного и полного исполнения решений Конституционного Суда.

Автор делает вывод, что принимаемые Конституционным Судом решения и сформулированные в них правовые позиции, направленные на утверждение реального положения Конституции в обществе и государстве, являются важной предпосылкой утверждения в Республике Беларусь реального современного конституционализма.

Abstract

The recent developments of modern constitutionalism are in focus of the article.

The author regards the provision and protection of the rights and freedoms of an individual and a citizen, constitutionalisation of the legal system, including legislation, as the most important conditions for constitutionalisation of public relations.

Special attention is paid to the analysis of the role and forms of influence that constitutional justice has in establishing real constitutionalism. It is noted that legal means, used by the Constitutional Court for protecting the Constitution (constitutional review of normative legal acts, clarification of the constitutional and legal meaning of legal rules, revealing and defining of the content of constitutional principles, etc.), are furthermore used to influence the development of the legal system by constitutional justice.

Based on the practice of constitutional justice the author points to constructive and respectful nature of interaction between the Constitutional Court and the Parliament — the National Assembly of the Republic of Belarus.

In its decisions and legal positions the Constitutional Court has specified different ways of influencing the law—making so as to ensure the most effective developments of legislation in line with the Constitution. In formulating its legal positions the Constitutional Court proceeds in particular from the intention to maintain the authority of the legislator and direct joint efforts towards the constitutionalisation of public relations. The author also emphasises the required feedback from the legislator, primarily in terms of the timely, full and complete implementation of the Constitutional Court decisions.

The author concludes that the decisions of the Constitutional Court and the legal positions formulated in them are aimed at stipulating the real status of the Constitution in society and the state, and are an important prerequisite for establishment of real modern constitutionalism in the Republic of Belarus.

С.Л. СЕРГЕВНИН,
доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации

Реальность Конституции в контексте ее реализации и охраны

Постановка вопроса о реализации и охране Конституции представляет собой по сути попытку взглянуть на феномен Конституции с двух противоположных позиций — условно динамической и условно статической. Однако обе ипостаси Конституции — и ее позитивная реализация в конституционно — правовых отношениях, а в дальнейшем (в контексте конституционализации отраслевой правовой материи) и в отраслевых правоотношениях, и ее охрана (защита) в том числе при возникновении охранительных конституционно-правовых отношений — тем не менее в конечном итоге соединяются идеей непосредственного характера конституционного воздействия на общественную реальность что, в свою очередь, предопределяет реальность самой Конституции.

В теории отечественного конституционного права реальность рассматривается как важнейшее искомое свойство формальной Конституции. Иное понимание приводило бы к выводу о декларативном либо даже “декоративном” характере Конституции. Между тем, подобные утверждения пришли бы в очевидное противоречие с важнейшим принципом прямого действия Конституции (часть 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации). Именно по этой причине существенное значение приобретает вопрос о механизме реализации Конституции. В ходе развития конституционных отношений в национальных правовых системах обозначилась потребность в различных средствах (материально — правовых, процессуальных, организационных) защиты самой Конституции страны: как формального, так и фактического характера. Первоначально к таким средствам можно было отнести лишь жесткий порядок пересмотра и изменения конституционного текста. Однако современные конституции расширяют и усложняют систему таких средств и методов, соединяя их в правовой механизм собственной охраны. Такой механизм учрежден и действующей российской Конституцией.

Давая его характеристику, прежде всего следует обратиться к конституционно — правовым формам и средствам реализации Конституции Российской Федерации.

В механизме реализации Конституции России необходимо при этом различать общесоциальное и специально — правовое регулятивное воздействие. В первом случае имеется в виду информационно — правовое влияние действующей Конституции на общество в целом, различные социальные группы и отдельных индивидов, а также ценностно ориентационное значение Конституции страны, предопределяющие ее воспитательное воздействие.

Ознакомление с конституционным текстом, равно как и с конституционным законодательством, позволяет составить определенное впечатление о тех принципах, на основании которых публичная власть функционирует в территориальных границах российского государства; о наборе важнейших прав и свобод, на реализацию которых соответствующее лицо впоследствии может рассчитывать. Вместе с тем, для юриста вопросом первостепенной важности становится сила регулятивного воздействия Конституции, а также конкретные возможности реализации ее норм в правоотношениях. Специфика реализации конституционных норм предопределяется их особенностями. В частности, можно выделить телеологические (нормы — цели), дефинитивные (нормы — определения), нормы — принципы, а также регулятивные, охранительные и оперативные (вводные) нормы.

Применительно к нормам — целям, нормам — принципам и нормам — дефинициям можно говорить об особом системном воздействии на общественные отношения в ходе их реализации. Достаточно сложной задачей представляется, например, описание содержания конкретного правоотношения, порождаемого непосредственно конституционным определением Российской Федерации в качестве демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления (часть 1 статьи 1 Конституции Российской Федерации). Однако вне контекста содержания названной дефиниции реализация в конкретных избирательных правоотношениях конституционной регулятивной нормы, закрепляющей право граждан России избирать и быть избранными в органы государственной власти и в органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (часть 2 статьи 32 Конституции Российской Федерации), становится практически невозможной.

Под реализацией конституции следует понимать специально — юридическую форму воздействия ее норм, а также норм конституционного законодательства на общественные отношения, проявляющуюся в регулировании прав и обязанностей субъектов.

Регулятивный характер норм в данном контексте указывает на их способность оказывать непосредственное регулирующее воздействие на конституционные отношения, проявляться в конкретных правах и обязанностях.

В ряду упомянутых в данном определении конституционно-правовых средств следует назвать:

1) конституционные принципы, которые непосредственно закреплены в нормах Конституции либо выводятся из содержания этих норм посредством особой интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации;

2) нормы самой Конституции, иных актов конституционного законодательства, а также судебные нормы, содержащиеся в итоговых актах судебного органа конституционного контроля — Конституционного Суда;

3) имеющие конституционно — правовую природу общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве составной части правовой системы российского государства.

Названные конституционно — правовые средства образуют нормативный компонент механизма реализации действующей Конституции.

Определенный интерес представляет вопрос о формах реализации Конституции. С одной стороны, принцип прямого действия норм Конституции России предполагает возможность непосредственной реализации его норм: точнее, приобретение закрепленных им конкретных прав и обязанностей соответствующими управомоченными и обязанными субъектами самостоятельно. Так, гражданин России, реализуя закрепленное Конституцией Российской Федерации право на петицию (статья 33), использует его самостоятельно, обращаясь лично либо направляя индивидуальное (или коллективное обращение) в государственные и муниципальные органы. В этом случае говорят о такой форме реализации конституционных норм, как использование конституционного дозволения, то есть правовой возможности, закрепленной в диспозиции конституционной нормы, реализация которой зависит от дискреции субъекта конституционного правоотношения — правопользователя.

Следует обратить внимание и на такую форму непосредственной реализации конституционных норм в конкретных правоотношениях, как соблюдение конституционных запретов, проявляющееся в воздержании конкретного субъекта правоотношения от осуществления активных действий, описание которых содержится, как правило, в диспозиции соответствующей конституционной регулятивной нормы. К примеру, часть 4 статьи 3 Конституции Российской Федерации гласит: “Никто не может присваивать власть в Российской Федерации”. Названный конституционный запрет, подлежащий реализации в форме пассивного поведения субъектов правоотношений, обеспечен санкцией, имеющей бланкетный характер. Второе предложение той же части цитируемой конституционной нормы закрепляет положение,

согласно которому “захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону” (статьи 278, 279 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Наконец, еще одна форма непосредственной реализации конституционной нормы — исполнение конституционных обязанностей, то есть реализация предписания действовать согласно закрепленной диспозицией конституционной нормы модели поведения. Речь в данном случае идет об исполнении закрепленных в тексте Конституции Российской Федерации позитивных обязанностей: например, платить законно установленные налоги и сборы; сохранять природу и окружающую среду; бережно относиться к природным богатствам (статьи 57 и 58 Конституции Российской Федерации).

Если в перечисленных трех случаях субъекты конституционных правоотношений самостоятельно действуют либо воздерживаются от определенных действий, то необходимо иметь в виду и такие ситуации, когда реализовать закрепленные конституционными нормами права и обязанности без помощи публичной власти невозможно. В данном случае имеется в виду такая форма правореализации, как применение конституционных норм, под которой понимается властно — организующая деятельность компетентных органов по вынесению индивидуально — конкретных правовых актов, принимаемых как результат разрешения юридических дел в специально установленной юрисдикционной либо иной процедуре.

Так, реализация активного избирательного права, закрепленного статьей 32 Конституции Российской Федерации, невозможна вне специальной процедуры — избирательного процесса, регламентированной, в первую очередь, Федеральным законом от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”. Соответственно, участие государственных органов (скажем, избирательных комиссий в качестве субъектов электоральных правоотношений) является необходимым условием реализации позитивных избирательных прав, закрепленных Конституцией Российской Федерации и принятым в ее развитие названным федеральным законом.

Система правовых средств, обеспечивающих надлежащее претворение конституционных предписаний, запретов и дозволений в конкретных конституционных правоотношениях, составляет юридический механизм реализации Конституции, в который включаются конституционные нормы, среди которых особое место занимают конституционные принципы, субъекты, наделенные конституционным статусом, юридические факты и фактические составы, порождающие конституционные правоотношения, а также конкретные правовые связи в конституционной сфере, то есть собственно конституционные

правоотношения, акты реализации конституционных прав и обязанностей.

Характеристика механизма реализации отечественной Конституции окажется неполной, если оставить без внимания специфику, предопределяемую федеративной формой государственного (территориального) устройства Российской Федерации. Особую роль в этом механизме выполняют конституирующие акты субъектов Российской Федерации — их конституции и уставы, обладающие, помимо прочего, качеством системообразующих актов по отношению к законодательству субъектов федерации. Региональное законодательство, в основе которого лежит конституция (устав) субъекта Российской Федерации, представляет подсистему законодательства федеративного государства, фундамент которой, в свою очередь, составляет федеральная Конституция. Динамика внутренних связей здесь подчинена логике нормативного содержания статьи 76 в единстве со статьями 71, 72, 73, 77 и 78 Конституции Российской Федерации. Механизм реализации федеральной Конституции не может успешно функционировать без надлежащей гармонизации с конституционными актами регионов. Российская Федерация, образованная не договорным, а конституционным путем, принципиально исключает несоответствие федеральной Конституции и конституций (уставов) субъектов Российской Федерации.

Характеристика механизма реализации действующей Конституции Российской Федерации включает также международно — правовой аспект. Содержащееся в части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации нормативное положение, согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, неизбежно ставит вопрос о соотношении юридической силы упомянутых международно — правовых актов и юридической силы Конституции страны.

Этот вопрос осложняется содержащимся в той же статье Конституции Российской Федерации указанием на приоритет международного договора в сравнении с национальным законодательством. При решении указанной проблемы, напрямую затрагивающей механизм реализации российской Конституции, прежде всего необходимо исходить из следующего принципиального тезиса: нормы Конституции России имеют приоритет в отношении включенных в национальную правовую систему норм международного права. Иной подход приводил бы к умалению роли Конституции Российской Федерации как акта наивысшей юридической силы, действующего на территории государства, а, следовательно, — к подрыву основ конституционного устройства Российской Федерации и, в том числе,

ее государственного суверенитета. Следует обратить внимание в данном контексте на то обстоятельство что такой подход в целом гармонично укладывается в понимание (все более набирающее вес особенно в сфере европейского конституционного правосудия и его соответствующей доктрины) Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в качестве акта “промежуточного ранга” между национальной Конституцией и статутным правом¹.

Следовательно, процитированные нормативные положения статьи 15 Конституции Российской Федерации не могут быть истолкованы вне контекста ее частей 1 и 2 статьи 4. В подтверждение сказанного следует обратить внимание на модель регулирования правовой ситуации, связанной с включением в отечественную правовую систему правил, содержащихся в международном договоре, но требующих изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации. В этом случае, согласно статье 22 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации”, решение о согласии на обязательность международного договора для России возможно лишь в форме принятия федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке.

При рассмотрении механизма конституционно — правового воздействия на общественные отношения акцент стоит сделать на наличии в системе каждого национального конституционно — правового режима корреспондирующего механизма охраны Конституции страны. Отсутствие такого механизма обычно сопровождается превращением конституции государства в декларацию, не обладающую необходимыми регулятивными качествами.

Эффективные правовые средства охраны Конституции Российской Федерации выступают важнейшим внутренним фактором ее реализации. Система взаимосвязанных правовых средств обеспечения стабильности, реальности и верховенства конституции как условий ее нормального функционирования обозначается понятием механизм охраны Конституции.

В структуре такого механизма, в первую очередь, необходимо выделить его нормативный компонент — конкретные нормативные положения, содержащиеся в конституционном тексте и обеспечивающие первичные гарантии безопасности самой Конституции России. Среди таких положений Конституции Российской Федерации следует назвать нормы — принципы, закрепленные в главе 1 Конституции страны в качестве основ конституционного строя России, а именно: принцип верховенства Конституции Российской Федерации

¹ См., например, Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2018, № 11 (152). С. 20

(часть 2 статьи 4), принципы высшей юридической силы и ее прямого действия (часть 1 статьи 15); принцип конституционной законности, согласно которому органы государственной власти и местного самоуправления, а также должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (часть 2 статьи 15).

Фундаментальное значение последнего нормативного положения трудно переоценить, поскольку генерализация (распространение на предельно широкий субъектный состав) обязанности по соблюдению Конституции Российской Федерации по существу лежит в основе собственно правового режима конституционной законности и, как следствие, — всей системы конституционного правопорядка.

Нормативная преграда для потенциальных нарушений содержится также в части 5 статьи 13 Конституции Российской Федерации, которая запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели (или действия) которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности государства, подрыв его безопасности, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

В рамках нормативного компонента механизма охраны Конституции Российской Федерации следует рассматривать и запреты, содержащиеся в отраслевом законодательстве. Прежде всего, речь идет об уголовно — правовых запретах и, соответственно, о мерах юридической ответственности, предусмотренных соответствующими нормами уголовного законодательства. В данном контексте особый интерес представляет такой состав преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, как насильственный захват власти или насильственное удержание власти (статья 278 Уголовного кодекса Российской Федерации Российской Федерации), согласно которому соответствующая уголовно — правовая санкция предусмотрена за действия, направленные на нарушение Конституции Российской Федерации (части 4 статьи 3), а равно на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации (части 5 статьи 13).

Цели охраны Конституции Российской Федерации преследует также норма национального законодательства, предусматривающая уголовную ответственность за организацию вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения (или насильственного изменения) конституционного строя Российской Федерации, либо нарушения ее территориальной целостности (статья 279 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В структуре механизма охраны Конституции Российской

Федерации выделяется и субъектный компонент. В первую очередь, нельзя недооценивать роль граждан и их объединений как участников охранительных правоотношений, имеющих в качестве своего объекта подлежащие специальной конституционно — правовой охране общественные отношения, в которых находят свое преломление защищаемые конституционные ценности. В данном контексте следует упомянуть норму, согласно которой решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (часть 2 статьи 46 Конституции Российской Федерации). Активная форма правовой деятельности граждан здесь выступает в качестве одной из важнейших гарантий режима конституционной законности. К таким же активным формам следует отнести закрепленное частью 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации право граждан на обращение с жалобой в Конституционный Суд на нарушение конституционных прав и свобод. Высший судебный орган конституционного контроля по таким жалобам осуществляет проверку конституционности закона, примененного в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде.

Разумеется, нельзя забывать и о таком средстве охраны Конституции Российской Федерации, как исполнение соответствующих конституционных обязанностей гражданами. Примечательно, что перечень таких обязанностей, непосредственно закрепленных в тексте Конституции России, не столь велик, особенно по сравнению с перечнем конституционных прав и свобод.

Другим видом субъектов охраны Конституции Российской Федерации выступают соответствующие институты государственной власти, создание которых предусмотрено Конституцией.

Речь, в первую очередь, идет о Президенте Российской Федерации, который является гарантом Конституции Российской Федерации, а также прав и свобод человека и гражданина (часть 1 статьи 80). Обязанность главы государства защищать Конституцию Российской Федерации непосредственно закреплена в тексте его присяги, которую вновь избранный Президент России приносит при вступлении в должность (часть 1 статьи 82).

С учетом того обстоятельства, что именно защита прав и свобод человека, провозглашенных в качестве высшей конституционной ценности, составляет основную функцию такого института государственной власти, как Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, его также следует отнести к субъектному компоненту механизма охраны Конституции. Несмотря на то что непосредственно на Федеральное Собрание и на его палаты, Правительство Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, а также на

Прокуратуру Российской Федерации обязанности по охране и защите Конституции Российской Федерации непосредственно в ее тексте формально не артикулированы, из положений статьи 2 Конституции в их взаимосвязи с нормами статьи 18 вытекает, что названные институты государственной власти также включаются в субъектный компонент механизма защиты российской Конституции.

Особое же место в этом механизме принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации, который, обладая статусом органа конституционного контроля, призван самостоятельно и независимо осуществлять судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Целями деятельности этого судебного органа являются защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории России.

Принципиальной особенностью статуса Конституционного Суда Российской Федерации является контрольный характер его деятельности, что отличает этот институт от Комитета Конституционного надзора Союза СССР, просуществовавшего не более двух лет (1990–1991 гг.). Уже из самого наименования указанного органа следовала характеристика его правовой природы: надзорное ведомство, властный потенциал которого ограничивался лишь рекомендацией законодателю снять выявленное в процессе конституционно — надзорной деятельности противоречие, и напротив: результатом основной (титульной) деятельности Конституционного Суда Российской Федерации является нуллификация (ликвидация) неконституционной правовой нормы.

Механизм защиты Конституции, наконец, включает особую процедуру внесения конституционных поправок и пересмотра Конституции. Указанная процедура носит жесткий характер, поскольку регламентируется главой 9 Конституции Российской Федерации, положения которой не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. Субъектами инициативы о внесении поправок и пересмотре положений Конституции являются глава государства, палаты парламента, Правительство, региональные законодательные органы, а также группа численностью не менее одной пятой членов каждой из палат парламента.

Следует проводить различие между институтами конституционной поправки и конституционного пересмотра. Прежде всего они отличаются своим распространением на разные структурные составляющие конституционного текста. Внесение поправок допускается в главы 3 – 8 Конституции Российской Федерации. Принятие таких поправок признается конституционно допустимым в порядке, предусмотренном для процедуры принятия Федерального конститу-

ционного закона. Особое значение для определения момента вступления их в силу имеет факт одобрения квалифицированным большинством органов законодательной власти (не менее чем двух третей) субъектов Российской Федерации. Исключение составляет статья 65 Конституции, перечисляющая наименования субъектов Российской Федерации, входящих в ее состав и образующих ее федеративное устройство. В названную конституционную норму изменения вносятся на основании Федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта либо об изменении конституционно — правового статуса соответствующего региона. В том же случае если происходит смена наименования субъекта Российской Федерации, его новое название включается в текст статьи 65 Конституции. При этом непосредственным правовым основанием для этого является соответствующий Указ Президента Российской Федерации.

Еще более жесткий механизм — как составляющая механизма защиты Конституции — предусмотрен для случаев пересмотра глав 1, 2 и 9 Конституции, т.е. нормативных положений, закрепляющих основы конституционного строя, регулирующих права и свободы человека и гражданина, а также регламентирующих собственно процедуру внесения конституционных поправок и пересмотра Конституции. В части указанных глав пересмотр Конституции исключен в принципе. Сам факт возникновения подобных предложений должен стать основанием постановки вопроса о принятии новой Конституции. При этом рассмотрение вопроса о пересмотре названных трех глав Конституции осуществляется специальным органом, именуемым Конституционным Собранием, созыв которого осуществляется в порядке, который должен быть предусмотрен Федеральным конституционным законом, который на данный момент отсутствует. Однако начало работы самого Конституционного Собрания обусловлено необходимостью поддержки инициативы пересмотра соответствующих глав Конституции квалифицированным большинством (тремя пятими) голосов от общего числа парламентариев обеих палат. Итогом работы Конституционного Собрания может быть подтверждение неизменности действующей Конституции. В противном случае Конституционное Собрание разрабатывает проект новой Конституции и принимает его двумя третями голосов от общего числа его членов. При этом возможно также вынесение проекта новой Конституции на референдум. В последнем случае Конституция признается принятой, если положительно выскажется абсолютное большинство (более половины) избирателей, при том, однако, непременном условии, что во всенародном голосовании примет участие также более половины электората.

Специальным средством охраны конституционно-правовых норм

в России выступает и формирующийся правовой институт конституционно — правовой ответственности. Объем публикации, однако, не позволяет развернуть анализ данного компонента механизма защиты Конституции, требующий отдельного исследования и соответствующего опубликования его научных результатов.

Из практики органов конституционного контроля

**ИМЕНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

Пленума Конституционного Суда
Азербайджанской Республики

О некоторых положениях статей 157 и 158 Гражданско —
Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики

14 марта 2018 года

город Баку

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой, Судабы Гасановой, Ровшана Исмаилова, Рафаэля Гваладзе (судья — докладчик), Исы Наджафова и Кямрана Шафиева,

с участием секретаря суда — Фераида Алиева, представителей заинтересованных субъектов — заведующего научно — аналитическим сектором Аппарата Уполномоченного по Правам Человека (Омбудсмана) Азербайджанской Республики Махира Мамедова, консультанта отдела Административного и военного законодательства Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Кямали Пашаевой,

эксперта — старшего преподавателя кафедры конституционного права Бакинского государственного университета Эльшада Насирова, специалистов — судьи Бакинского апелляционного суда Икрама Широнова и члена Президиума Коллегии Адвокатов Азербайджанской Республики, адвоката Мухтара Мустафаева,

в соответствии с частью VII статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, рассмотрел в открытом судебном заседании, в порядке особого конституционного производства, конституционное дело на основании запроса Уполномоченного по Правам Человека (Омбудсмана) Азербайджанской Республики о проверке на соответствие статей 157 и 158 Гражданско — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики части I статьи 13, частям I, III и V статьи 25, частям I и III статьи 28, части II статьи 29, статье 59, частям I и II статьи 71, частям I и III статьи 149 Конституции Азербайджанской Республики.

Заслушав доклад судьи Р. Гваладзе по делу, выступления представителей заинтересованных субъектов и специалистов, заключение эксперта, изучив и обсудив материалы дела, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

У С Т А Н О В И Л:

Уполномоченный по Правам Человека (Омбудсман) Азербайджанской Республики, обратившись с запросом в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее — Конституционный Суд), просил проверить соответствие статьи 157 и 158 Гражданско — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики (далее — Гражданско — Процессуальный Кодекс) части I статьи 13, частям I, III и V статьи 25, частям I и III статьи 28, части II статьи 29, статье 59, частям I и II статьи 71, частям I и III статьи 149 Конституции Азербайджанской Республики (далее — Конституция).

В запросе представлена подробная информация о статьях 157 и 158, статье 162, предусматривающей отмену обеспечения иска, статье 163, предусматривающей порядок обжалования определения об обеспечении иска Гражданско — Процессуального Кодекса, и отмечено, что порой неправильное применение данных статей на практике, приводит к нарушению ряда конституционных прав физических и юридических лиц. По мнению запросодателя, для устранения возникших противоречий, внесение в них ясности, формирования единой судебной практики и, таким образом, более эффективного обеспечения прав и законных интересов физических и юридических лиц, возникла необходимость в правовой оценке вопроса со стороны Конституционного Суда.

Пленум Конституционного Суда считает необходимым отметить, что вопросы, затронутые в запросе Уполномоченного по Правам Человека (Омбудсмана) Азербайджанской Республики, представляет особое значение для формирования единой судебной практики, направлены на обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Пленум Конституционного Суда, исходя из сути запроса, считает необходимым дать толкование ряду норм гражданско — процессуального законодательства в связи с обеспечением иска.

На основании части I статьи 60 Конституции, каждому гарантируется защита прав и свобод в административном порядке и суде.

Согласно правовой позиции, сформированной Пленумом Конституционного Суда, право на судебную защиту, входящее в число основных прав и свобод человека и гражданина, выступает в качестве гарантии других прав и свобод, закрепленных в Конституции (Постановление от 4 марта 2015 года по жалобе М. Гусейнова).

Что же касается содержания права на судебную защиту, с одной стороны, оно определяет право каждого обратиться в суд с целью восстановления нарушенных прав и свобод, а с другой — обязанность судов рассматривать данные обращения в разумные сроки, принимать по ним справедливые решения, своевременно исполнять их (Поста-

новления Пленума Конституционного Суда от 15 апреля 2011 года по жалобе В. Озерова; от 6 июня 2014 года по жалобе Дж. Исмаилзаде и от 4 июля 2014 года “О толковании статьи 231.4 Гражданско — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики”).

Исполнение вступившего в законную силу решения суда, являясь составной частью права обращения в суд, имеет особое значение. Так, несвоевременное и неправильное исполнение судебного решения, в целом, приводит к неэффективности осуществления права на судебную защиту и к бесполезности принятого решения. Согласно требованиям Конституции и международно — правовых актов, правосудие должно обеспечивать эффективное восстановление прав в результате эффективного исполнения судебных решений (Постановление Пленума Конституционного Суда от 2 сентября 2015 года “О толкования статей 7, 10, 24 и 26 Закона Азербайджанской Республики “Об исполнении” с точки зрения некоторых положений Гражданско — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики”)

В статье 2.1 Гражданско — Процессуального Кодекса, основанного на требованиях Конституции, отмечается, что обязанностями судопроизводства по гражданским делам и экономическим спорам является судебное подтверждение прав и интересов каждого физического или юридического лица, вытекающих из Конституции, законов и других нормативно — правовых актов Азербайджанской Республики.

Гражданско — процессуальное законодательство, наряду с установлением обязательности исполнения вступивших в законную силу судебных решений, предусматривает в некоторых случаях возможность принятия соответствующих мер, обеспечивающих исполнение в будущем подлежащих принятию судебных актов. Особое место в числе таких мер занимают меры по обеспечению иска.

Институт обеспечения иска, являясь одним из важных элементов осуществления правосудия, выступает как гарант исполнения решения суда в будущем.

Потребность в обеспечении исковых требований возникла в период начала разрешения споров в процессуальном порядке. В целях обеспечения иска, Римское право требовало от ответчика явки в суд до принятия судьей решения по существу спора и представления лица, поручавшегося за его участие. Отсутствие такой гарантии могло привести к личному задержанию ответчика.

Согласно законодательству, действовавшему до советского периода, для обеспечения иска допускались наложения ареста на движимое имущество, применение запрета на недвижимость, получение подписки о невыезде, поручительство и др. виды гарантии.

Социалистический строй фактически свёл на нет существование

рыночной экономики, что привело к снижению значения правил обеспечения иска для гражданского судопроизводства. Следует отметить, что, согласно требованиям Гражданско — Процессуального Кодекса, действовавшего до 2000 года, суд по собственной инициативе мог принимать меры для обеспечения иска.

На основании статьи 157.1 действующего Гражданско — Процессуального Кодекса, судья по заявлению лица, участвующего в деле, может принять меры по обеспечению иска (за исключением: иска, поданного в связи с банками (или) его активами, при добровольной реструктуризации банковских обязательств). Обеспечение иска допускается на любой стадии процесса.

Меры по обеспечению иска применяются не только по инициативе истца и не только в отношении ответчика. Поэтому, в статье 157 Гражданско — Процессуального Кодекса, круг субъектов, обладающих правом обращения в суд с заявлением о применении мер по обеспечению иска, определен выражением “лицо, участвующее в деле”. С учетом сути и процессуального назначения меры по обеспечению иска сюда входят: стороны, третьи лица, заявители, заинтересованные лица, общественные организации, государственные и иные органы, пользующиеся правом обращения в суд для защиты своих нарушенных или оспариваемых прав (статья 46 Гражданско — Процессуального Кодекса).

Заявление об обеспечении иска должно быть предъявлено суду, принявшему дело к производству, как отдельный письменный документ. В соответствии со статьей 149.4 Гражданско — Процессуального Кодекса, ходатайство о принятии мер по обеспечению иска может быть указано и в исковом заявлении.

Принятие мер по обеспечению иска до принятия искового заявления к производству суда и после вынесения решения по существу дела не допускается. Данный порядок не распространяется на случаи подачи апелляционной жалобы на решение суда первой инстанции.

На основании статьи 159.1 Гражданско — Процессуального Кодекса, заявление об обеспечении иска рассматривается судьей, разрешающим спор, без промедления в тот же день. Согласно сути статьи, заявление об обеспечении иска рассматривается не позднее следующего рабочего дня после дня поступления.

Рассмотрение заявления без уведомления лиц, участвующих в деле (ex parte), основано на такой важной особенности, как создание меры по обеспечению иска “эффект неожиданности” для противоположной стороны.

Согласно части II статьи 127 Конституции, судьи рассматривают дела беспристрастно, справедливо, соблюдая равноправие сторон, на основе фактов и в соответствии с законом.

Любая мера для обеспечения иска ограничивает права лица и других лиц в отношении, которого применяется, а порой приводит к основательному ущербу. Поэтому, исходя из принципа процессуального равноправия, закрепленного в Конституции, лицу, участвующему в деле, необходимо полностью обосновывать необходимость применения мер по обеспечению иска. Однако, не следует также возлагать на лицо, обратившееся с заявлением об обеспечении иска, чрезмерную обязанность в связи с представлением доказательств. Просто, судье следует прийти к выводу о том, что аргументы, указанные в заявлении лица, участвующего в деле, доказывают больше существование, а не отсутствие оснований для принятия таких мер. К таким доказательствам можно отнести любые сведения, свидетельствующие о недобросовестности ответчика, к примеру, переписку сторон, действия ответчика, направленные на очевидное затягивание процесса, действия, направленные на оформление имущественных и финансовых средств на других лиц, размещение объявлений о продаже имущества и пр.

Согласно статье 157.2 Гражданско — Процессуального Кодекса, определение об обеспечении иска, вынесенное судьей в целях дальнейшего исполнения решения суда, носит временный характер и не является предварительным разрешением дела по существу.

Как видно из содержания статьи, обеспечение иска является процессуальной мерой, применяемой в целях исполнения в дальнейшем решения суда, которое будет вынесено по гражданскому делу. Поэтому суд при рассмотрении заявления об обеспечении иска должен быть уверен в том, что неприменение той или иной меры иска может осложнить в будущем или сделать невозможным исполнение решения.

Положение “носит временный характер” статьи 157.2 Гражданско — Процессуального Кодекса подразумевает, что в случае отказа в иске, допущенные меры обеспечению иска сохраняются до вступления решения в законную силу. Однако суд может одновременно с решением или после его постановления вынести определение об отмене обеспечения иска (статья 162.3 Гражданско — Процессуального Кодекса). В случае обеспечения иска допущенные меры обеспечения иска сохраняют свою силу до вступления судебного акта в законную силу (статья 162.4 Гражданско — Процессуального Кодекса).

Согласно выводу Пленума Конституционного Суда, обеспечение иска, являясь процессуальной мерой, применяемой в целях обеспечения исполнения в дальнейшем решения суда, которое будет вынесено по гражданскому делу, должно отвечать трём основным критериям:

* данные меры должны быть применены в кратчайшие сроки при наличии оснований для их применения;

- * данные меры должны носить временный характер;
- * применяемые меры должны быть соразмерны предъявленным исковым требованиям.

Принцип пропорциональности в части II статьи 71 Конституции выражен как “ограничение прав и свобод должно быть пропорционально ожидаемому государством результату”.

Возникновение принципа пропорциональности связывают с традициями римско — германского конституционализма.

Ранее, в 1950 — 1960 годах, концепция пропорциональности нашла отражение в ряде дел, рассмотренных Европейским Судом Справедливости. Данная концепция была принята Европейским правом и практикой на основании конституционного права послевоенной Германии. А как принцип появилась в конце XVIII — первой половине XIX вв., в административном праве Пруссии.

Тест пропорциональности, разработанный в общей форме в Германском общественном праве и продолживший свою эволюцию в Европейском праве, предусматривает последовательное решение следующих вопросов:

1. имело ли место вмешательство государственных органов в осуществление частных прав (свобод);
2. предусмотрено ли такое вмешательство внутригосударственным законом;
3. легитимна (законна) ли цель вмешательства;
4. возможно ли достижение желаемой цели, путем применения такого средства вмешательства, иначе говоря, пригодно ли используемое средство для достижения цели;
5. имеется ли иное, в той же степени пригодное, однако менее утомительное средство, иными словами, необходимо ли используемое средство для достижения легитимной цели;
6. приемлемо ли используемое средство (в узком смысле — пропорционально ли).

В самом общем смысле, принцип пропорциональности непременно предусматривает в себе 3 основных элемента:

- * данный принцип регулирует вопросы ограничения прав и свобод человека и гражданина;
- * право может быть ограничено лишь законом;
- * степень ограничения права как средства достижения цели, должна соответствовать данной цели и быть безграничной.

Принцип пропорциональности, закрепившийся в практике Европейского Суда по Правам Человека (далее — Европейский Суд), активно используется последним для установления возможности ограничения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией “О защите прав человека и основных свобод”.

В решении Европейского Суда по делу *Хаканссон и Стурессон против Швеции от 21 февраля 1990 года* отмечается, что статья 1 Протокола 1 Конвенции требует разумную соразмерность применяемых средств поставленной цели. Если соответствующее лицо подверглось особому и чрезмерному лишению, то о выявлении соразмерности не может быть и речи.

Пленум Конституционного Суда, активно используя принцип пропорциональности, уделяет большое внимание понятию и сути данного принципа. Суть принципа пропорциональности раскрывается в постановлениях Пленума на основе непосредственного толкования Конституции и законов, а также правоприменительной практике, выраженной в решениях Европейского Суда.

В Постановлении Пленума Конституционного Суда по жалобе Кларка Гордона Морриса от 26 мая 2017 года, в принцип пропорциональности внесена достаточная ясность, раскрыты законодательные нормы, подлежащие принятию во внимание при применении ограничений и отмечена важность соблюдения принципов пропорциональности и соответствия законной цели при применении таких ограничений. В Постановлении указано, что для обеспечения соблюдения принципа пропорциональности суд при рассмотрении дела в соответствии с законодательством, согласно внутреннему убеждению должен дать оценку основаниям ограничения в каждом конкретном случае, протестам должника, всесторонне, полностью и объективно изучить дело, обосновать в соответствующем судебном акте свои результаты по вопросу.

Значение указанного принципа возросло в связи с более широким его применением не только органом конституционного надзора, но и судами общей юрисдикции. Эта тенденция выражается в том, что суды при обосновании решения нормами Конституции и закона одновременно ссылаются на общепринятые принципы и нормы международного права, правовые позиции Конституционного Суда, интегрируя тем самым в единое правовое пространство применяемых правовых норм.

Несомненно, одним из преимуществ действующего Гражданско — Процессуального Кодекса является именно применение принципа пропорциональности мер обеспечения иска, предъявленному истцом требованию.

В статье 158 Гражданско — Процессуального Кодекса не указана, какая из предусмотренных мер обеспечения пропорциональна требованию, предъявленному истцом. Однако, из смысла данной статьи становится ясно, что суд при рассмотрении заявлений о применении мер обеспечения, должен изучить насколько конкретная мера обеспечения, требуемая заявителем, связана с предъявленным иском.

требованием и соответствует ли ему. Поэтому суд, исходя из предъявленного искового требования и возможного решения суда в связи с данным иском, должен убедиться в том, что в случае обеспечения искового требования недопущение какой — либо из указанных в статье 158 Гражданско — Процессуального Кодекса мер может осложнить или сделать невозможным исполнение решения суда.

Сущность принципа пропорциональности мер обеспечения основному требованию, предъявленному истцом, заключается в том, что судья может наложить на имущество ответчика арест в размере, не превышающем суммы иска, или запретить, как исключение, ответчику или другим лицам исполнение определенных действий в пределах предъявленного требования.

Помимо предусмотренных в статье 158 действующего Гражданско — Процессуального Кодекса мер обеспечения иска, суд может принять и другие меры для обеспечения иска.

В качестве других мер можно привести прекращение продажи арестованного имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста, наложение на ответчика определенных обязательств, связанных с сохранением имущества и т.д.

Другие меры, в любом случае, должны соответствовать целям, указанным в статье 157 Гражданско — Процессуального Кодекса. Принятие судом мер по обеспечению иска в целях, не предусмотренных данной статьей, не допускается.

Законодатель в виде запрета ответчику и другим лицам совершать определенные действия в ходе принятия мер по обеспечению иска (статьи 158.1.2 и 158.1.3 Гражданско — Процессуального Кодекса) предусматривает взыскание с физических и юридических лиц, нарушивших данный запрет, штрафа в пользу государства (статьи 158.5.1 и 158.5.2 Гражданско — Процессуального Кодекса).

Кроме того, истец вправе в судебном порядке взыскать с этих лиц убытки, причиненные неисполнением определения об обеспечении иска (статья 158.6 Гражданско — Процессуального Кодекса).

Гражданско — Процессуальный Кодекс не раскрывает понятия убытков, причиненных неисполнением определения о принятии мер обеспечения.

Пленум Конституционного Суда считает, что в этом случае может быть использована норма статьи 21.2 Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики, так как возмещение убытков в порядке, предусмотренном в данной статье, является универсальным способом защиты гражданских прав. Согласно данной статье, под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные

доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Принимая во внимание вышеуказанное, Пленум Конституционного Суда считает необходимым отметить следующее:

* в соответствии с требованиями части II статьи 127 Конституции, статей 157 и 158 Гражданско — Процессуального Кодекса, суды должны уделять особое внимание достаточному обоснованию применения меры обеспечения иска лицом участвующим в деле, в своем заявлении дать всестороннюю оценку обоснованности выдвинутых в заявлении аргументов, проверить наличие связи между иском требованием и данными мерами, обеспечив пропорциональность применяемой меры предъявленному требованию и законные интересы всех участвующих в деле лиц и принять обоснованный судебный акт.

Руководствуясь частью VII статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 52, 60, 62, 63, 65-67 и 69 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном Суде”, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ПО С Т А Н О В И Л:

1. В соответствии с требованиями части II статьи 127 Конституции Азербайджанской Республики, статей 157 и 158 Гражданско — Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики суды должны уделять особое внимание достаточному обоснованию применения меры обеспечения иска лицом, участвующим в деле, в своем заявлении дать всестороннюю оценку обоснованности выдвинутых в заявлении аргументов, проверить наличие связи между иском требованием и данными мерами, обеспечив пропорциональность применяемой меры предъявленному требованию и законные интересы всех участвующих в деле лиц и принять обоснованный судебный акт.

2. Постановление вступает в силу со дня опубликования.

3. Постановление опубликовать в газетах “Азербайджан”, “Республика”, “Халг газети”, “Бакинский рабочий” и “Вестнике Конституционного Суда Азербайджанской Республики”.

4. Постановление является окончательным и не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

ИМЕНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики

О толковании части 1 и 3 “Примечания” статьи 177
Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики

23 апреля 2018 года

город Баку

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой, Судабы Гасановой (судья — докладчик), Ровшана Исмаилова, Джейхуна Гараджаева, Рафаэля Гваладзе, Махира Мурадова, Исы Наджафова и Кямрана Шафиева,

с участием секретаря суда — Фараида Алиева,

представителей заинтересованных субъектов — судьи Бакинского Апелляционного суда Намика Мамедова, консультанта Отдела административного и военного законодательства Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Кямали Пашаевой,

эксперта — профессора кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Бакинского государственного университета, доктора юридических наук Шахлы Самедовой,

специалистов — председателя Уголовной коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики Шахина Юсифова, заместителя начальника Управления по защите государственного обвинения Генеральной прокуратуры Азербайджанской Республики, начальника Отдела по защите государственного обвинения в судах апелляционной и кассационной инстанции Мурвата Гасанова и начальника Отдела Главного организационно – инспекционного Управления Министерства Внутренних дел Азербайджанской Республики Нахида Мамедзаде

в соответствии с частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики на основании обращения Бакинского Апелляционного суда в открытом судебном заседании по особому конституционному производству рассмотрел конституционное дело о толковании пунктов 1 и 3 части “Примечание” статьи 177 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики с точки зрения статей 16 и 177.2.2 данного Кодекса, статей 60 и 71 Конституции Азербайджанской Республики, а также статей 6 и 7 Конвенции “О защите прав человека и основных свобод”

Заслушав доклад судьи Судабы Гасановой по делу, выступления представителей заинтересованных субъектов и специалистов, заключение эксперта, изучив и обсудив материалы дела, Пленум Консти-

туционного Суда Азербайджанской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

Бакинский Апелляционный суд, обратившись в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее — Конституционный Суд), просил дать толкование пунктов 1 и 3 части «Примечание» статьи 177 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики (далее- Уголовный Кодекс), с точки зрения статей 16 и 177.2.2 данного Кодекса, с точки зрения статей 60 и 71 Конституции Азербайджанской Республики (далее — Конституция), а также статей 6 и 7 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод».

В обращении указано, что в Бакинский Апелляционный суд поступило уголовное дело на основании апелляционного протеста на приговор осужденного А. Гамзаева по статье 177.2.2 Уголовного Кодекса. Приговором суда по данному уголовному делу было установлено, что обвиняемый совершил повторные преступления в виде кражи. Так с целью тайного хищения чужого имущества он 10 сентября 2015 года тайно похитил из машинного отделения лифта жилого здания тормозную обмотку и тем самым нанес собственнику имущества ущерб в размере 106 манатов.

Затем А. Гамзаев с целью хищения чужого имущества с 11 сентября по 24 декабря 2015 года, отсоединив провода от машинных отделений лифтов жилых зданий, тайно похитил тормозные обмотки (стоимостью 106 манатов каждая), причинив потерпевшему лицу ущерб в размере 106 манатов по каждому эпизоду и совершив тем самым повторные преступления в виде кражи по 62 эпизодам.

Приговором Сураханского районного суда города Баку от 23 октября 2017 года А. Гамзаев был признан виновным в совершении преступного деяния, предусмотренного статьей 177.2.2 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики, и лишен свободы сроком на 3 года и 3 месяца. На основании статьи 70 Уголовного Кодекса, назначенное ему наказание в виде лишения свободы применено условно с установлением, испытательного срока в 1 год и 6 месяцев.

Государственный обвинитель, подав апелляционный протест, просил исключить из приговора положение о применении статьи 70 Уголовного Кодекса и назначить А.Гамзаеву наказание в виде лишения свободы в соответствии с санкцией, предусмотренной в статье 177.2.2 Уголовного Кодекса.

Согласно заключению Бакинского Апелляционного Суда, в законодательство не внесена ясность в вопросе относительно размера ущерба, необходимого для квалификации деяния, как кража, совершенная повторно за ранее совершенную (первичную) кражу

свыше 500 манатов, а в случае повторного совершения деяния свыше 100 манатов (повторная кража), нарушая принцип правовой определенности, создает трудности в судебной практике.

Так ответственность, предусмотренная статьями 177.1, 178.1 и 179.1 Уголовного Кодекса возникает, если собственнику или иному владельцу имущества причинен ущерб в размере свыше пятисот манатов, однако не превышающем 5.000 манатов.

Ответственность, предусмотренная статьями 177.2.1 — 177.2.3 — 2, 177.2.5 и 177.3.1 данного Кодекса, возникает, если собственнику или иному владельцу имущества причинен ущерб в размере ста манатов. Как видно для возникновения ответственности при обычной краже размер ущерба, причиненного собственнику или иному владельцу имущества, должен превышать пятьсот манатов, а при повторном совершении — сто манатов.

Согласно заключению обратившегося, для формирования единой судебной практики в связи с дачей правовой оценки повторно совершенным деяниям, в зависимости от размера причиненного ущерба возникла необходимость толкования указанных статей.

В связи с обращением Пленум Конституционного Суда считает важным отметить следующее.

На основании части 1 статьи 13 Конституции собственность в Азербайджанской Республике неприкосновенна и охраняется государством.

Собственность как экономическая и правовая категория включает совокупность фактических общественных отношений таких, как владение, пользование и распоряжение собственником, полученным им и принадлежащим ему материальными ресурсами. Регулируемые правовыми нормами, данные отношения, приобретают правовую форму, выражаясь в таких правах собственника, как владение, пользование и распоряжение в правовом порядке движимым и недвижимым имуществом.

Собственность также включена в число объектов, охраняемых уголовным законодательством, и её охрана установлена в качестве одной из основных задач Уголовного Кодекса. Так, на основании статьи 2.1 Уголовного Кодекса задачами Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики являются обеспечение мира и безопасности человечества, охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности экономической деятельности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Азербайджанской Республики от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений.

Следует также отметить, что правовые нормы Уголовного Кодекса, повествующие о преступлениях против собственности,

постоянно совершенствуется законодателем.

Распоряжение Президента Азербайджанской Республики “Об упорядочении деятельности в пенитенциарной сфере, гуманизации политики наказания, а также расширения применения альтернативных видов наказания и процессуальных мер принуждения, не связанных с изоляцией от общества” от 10 февраля 2017 года № 2668 придало важный импульс либерализации уголовно — правовой политики, ограничению применения мер пресечения в виде ареста и лишения свободы за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и менее тяжкие преступления, декриминализации преступлений, и благодаря предусмотренного в результате этого более широкого применения альтернативных наказаний — осуществлению очередных реформ. Законом “О внесении изменений в Уголовный Кодекс Азербайджанской Республики” от 20 октября 2017 года за номером 816 в связи с исполнением данного распоряжения был принят Закон Азербайджанской Республики, были внесены изменения во многие статьи общей и особенной частей Уголовного Кодекса, в том числе в статью 177 Кодекса, и в части “Примечание”. В изменениях, внесенных в санкцию статьи 177.1 и часть “Примечание” данного Кодекса предусмотрено, что уголовная ответственность возникает в случае причинения собственнику или иному владельцу имущества ущерба в размере свыше пятисот манатов, но не превышающего пяти тысяч манатов и наказывается общественными работами на срок от трехсот шестидесяти до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет. До этих изменений ответственность за преступления в виде кражи возникала в случаях причинения собственнику или иному владельцу имущества ущерба в размере свыше ста манатов, но не превышающего трех тысяч манатов (отмененный с 1 декабря 2017 года текст Уголовного Кодекса).

Таким образом, с учетом происходивших в стране социально-экономических процессов, при совершении преступлений против собственности впервые сумма ущерба для привлечения к уголовной ответственности была увеличена со ста до пятисот манатов.

Учитывая данные изменения, Пленум Конституционного Суда считает необходимым проанализировать соответствующие нормы Уголовного Кодекса.

Глава XXIII Уголовного Кодекса была посвящена преступлениям против собственности. К преступлениям этой категории относятся кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой и другие преступные деяния. Особое место среди данных преступлений уделено преступлениям в виде хищения.

Хищение — безвозмездное изъятие противозаконным путем

чужого имущества в корыстных целях с причинением ущерба собственнику или иному владельцу данного имущества и обращения его в свою пользу или пользу других лиц.

Статья 177 Уголовного Кодекса определила кражу как тайное хищение чужого имущества. Тайный способ изъятия, составляющий объективную сторону данного преступления, отличает кражу от других форм хищения. При краже виновный совершает тайное хищение имущества потерпевшего помимо его воли и обращает его в свое распоряжение. Под тайностью изъятия подразумевается совершение преступления без ведома собственника, а также других лиц.

Определение признаков состава преступления в виде кражи имеет большое значение для дачи уголовно — правовой оценки данному деянию.

Большое значение при формировании состава преступления представляет необходимые и факультативные признаки.

Необходимые признаки являются присущими любому составу преступления такими признаками, без которых состава преступления не возникает. Факультативные же признаки — это признаки, не являющиеся необходимыми для всех составов преступления и играют различную роль в разных составах. К таким признакам относятся время, место и способ преступления, характеризующие объективную сторону преступления, мотив, цель и пр. характеризующие субъективную сторону преступления.

Дифференциация признаков преступления на необходимые и факультативные представляет большое значение для установления составов отдельных преступлений и различения схожих преступлений. К примеру, тайное хищение чужого имущества считается необходимым признаком преступления в виде кражи (статья 177), общеопасный способ — квалифицирующим признаком преступления в виде умышленного убийства (статья 120.2.4).

Большое правовое значение представляют также конкретизированные и оценочные признаки состава преступления. Конкретизированные признаки однозначно определены в тексте норм Уголовного Кодекса. К примеру, размер ущерба, причиненного преступлениями в виде кражи (часть “Примечание” статьи 177) предел значительного и крупного ущерба, причиненного в преступлениях в области экономической деятельности (часть “Примечание” статьи 190) и пр.

Анализ статьи 177 Уголовного Кодекса позволяет прийти к такому выводу, что тайное хищение чужого имущества является необходимым признаком объективной стороны преступления в виде кражи. Тайное хищение выступает в качестве необходимого признака и в случаях повторного совершения данных деяний. Размер ущерба, причиненного собственнику или иному владельцу имущества, как

конкретизированный признак, указан законодателем с учетом необходимых признаков состава преступления в части “Примечание” данной статьи.

Поэтому Пленум Конституционного Суда считает, что выражение “то же деяние” статьи 177.2 Уголовного Кодекса подразумевает лишь необходимый признак кражи, указанной в статье 177.1 данного Кодекса, т.е., тайное хищение чужого имущества. Указанное в пункте 1 части “Примечание” статьи 177 Уголовного Кодекса, сумма, превышающая пятьсот манатов, и сумма, превышающая сто манатов, относясь соответственно статьям 177.1 и 177.2 данного Кодекса, выступают в качестве конкретизирующего признака состава преступления.

Следует отметить, что пункт 3 части “Примечание” статьи 177 Уголовного Кодекса наряду с повторностью, возникающей с совершением одинаковых преступлений устанавливает также повторность, возникающую совершением различных преступлений. На основании данного пункта повторное совершение лицом, совершившим одно или несколько преступлений, предусмотренных статьями 177-183, а также 213-3, 217, 227, 232 и 235 Кодекса, (за исключением случаев, указанных в статье 16.3 данного Кодекса) одного из преступлений, предусмотренных статьями 177-183 данного Кодекса, считается их повторным совершением.

Пленум Конституционного Суда в своем постановлении “О толковании статей 18.5, 61.1.1 и 65 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики” от 18 марта 2013 года в связи с институтом повторности отметил, что множественность преступлений расценивается, как обстоятельство отягчающее уголовную ответственность. Последовательное совершение лицом преступлений позволяет ему накопить опыт, совершения преступлений, придает больше опасности его дальнейшей преступной деятельности.

Пленум Конституционного Суда в своем постановлении от 4 марта 2013 года “О толковании пункта 3, “Примечания” статьи 177 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики” указал, что повторное совершение лицом преступления, как правило свидетельствует о его стабильной криминальной склонности, а это, в конечном счете, указывает на его высокую общественную опасность.

Пленум Конституционного Суда еще раз отмечает, что для признания преступления, совершенным повторно, должен быть установлен факт совершения виновным, по меньшей мере двух общественно опасных деяний. Данный факт всегда свидетельствует о том, что повторность характеризуется наличием у виновного негативных качеств. Повторность включает совершение в разное время входящих в нее преступлений. Несмотря на то, что виновный в различных жизненных обстоятельствах имеет возможность выбрать в соответ-

ствующие закону правилам поведения, тем не менее сознательно выбирает запрещенное уголовным законом правило поведения, что свидетельствует о его высокой общественной опасности.

Пункт 17 части I статьи 94 Конституции Азербайджанской Республики отнес определение преступлений и иных правонарушений, установление ответственности за их совершение к исключительным полномочиям законодательной власти.

Пленум Конституционного Суда считает, что законодатель, пользуясь полномочиями, предоставленными ему Конституцией в целях обеспечения принципа справедливости, учитывая степень опасности кражи при отягчающих обстоятельствах, указанных в статье 177.2 Уголовного Кодекса, в том числе повторной кражи, и общественную опасность лиц, совершивших такие действия, установил более жесткую уголовную ответственность за данные деяния.

На основании вышеуказанного, Пленум Конституционного Суда приходит к следующим выводам.

- выражение “то же деяние”, указанное в статье 177.2 Уголовного Кодекса, предусматривает лишь необходимый признак кражи, указанный в статье 177.1 данного Кодекса, то есть тайное хищение чужого имущества.

- сумма свыше пятисот манатов, указанная в пункте 1 части “Примечание” статьи 177 Уголовного Кодекса относится к статье 177.1, а сумма превышающая сто манатов к статье 177.2 данного Кодекса, выступает в качестве конкретизирующего признака состава преступления.

- в случаях повторного совершения кражи, то есть дважды или более двух раз, собственнику или иному владельцу имущества причинен ущерб, превышающий сто манатов по каждому деянию, возникает уголовная ответственность по статье 177.2.2 Уголовного Кодекса.

Руководствуясь частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, статьями 60, 62, 63, 65-67 и 69 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном Суде”, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

У С Т А Н О В И Л:

1. Выражение “то же деяние”, в статье 177.2 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики, предусматривает лишь необходимый признак, кражи указанный в статье 177.1 данного Кодекса, то есть тайное хищение чужого имущества.

2. В случаях повторного совершения кражи, что есть дважды или более двух раз, собственнику или иному владельцу имущества причинен ущерб, превышающий сто манатов по каждому деянию, возникает

уголовная ответственность по статье 177.2.2 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики.

3. Постановление вступает в силу со дня опубликования.

4. Постановление опубликовать в газетах “Азербайджан”, “Республика”, “Халг газети”, “Бакинский рабочий” и “Вестнике Конституционного Суда Азербайджанской Республики”.

5. Постановление является окончательным и не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

ИМЕНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики
О взаимосвязанном толковании статей 472.1 и 1306
Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики

4 июня 2018 года

город Баку

Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики в составе Фархада Абдуллаева (председатель), Соны Салмановой (судья — докладчик), Ровшана Исмаилова, Джейхуна Гараджаева, Рафаэля Гваладзе, Исы Наджафова и Кямрана Шафиева,

с участием секретаря суда - Фераида Алиева,

представителей заинтересованных субъектов — председателя Гражданской Коллегии Шекинского Апелляционного Суда Аладдина Меджидова и старшего консультанта отдела экономического законодательства Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Фарида Гаджиева,

эксперта — доцента кафедры гражданского права Бакинского государственного университета, доктора философии по праву Азада Талыбова,

специалиста — судьи Бакинского Апелляционного Суда Исмаила Халилова,

в соответствии с частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики на основании обращения Шекинского Апелляционного Суда в открытом судебном заседании по особому конституционному производству рассмотрел конституционное дело о взаимосвязанном толковании статей 472.1 и 1306 Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики.

Заслушав доклад судьи С. Салмановой по делу, выступления представителей заинтересованных субъектов и специалиста, заключение эксперта, изучив и обсудив материалы дела, Пленум Конституцион-

ного суда Азербайджанской Республики

У С Т А Н О В И Л:

Шекинский Апелляционный Суд, обратившись в Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее — Конституционный Суд), просил дать толкование вопросам о том, в каком объеме правопреемники умершего лица несут ответственность перед кредиторами, несут ли поручители гражданскую ответственность по обязательствам умершего лица и в каком объеме и с какого времени она возникает, либо прекращается ли поручительство со смертью должника с точки зрения требований статей 472.1 и 1306 Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики (далее — Гражданский Кодекс).

В обращении указано, что Закрытое Акционерное Общество “AccessBank” (далее - ЗАО “AccessBank”), подав иск в Габалинский районный суд, просило вынести решение об удержании с Джумара Агаева, Князя Мамедова и других в пользу банка общего кредитного долга в размере 8.722,36 долларов США, включая 6.249,39 долларов США основного, 1.072,30 долларов США процентного долга и 1.400,67 долларов США в виде штрафа.

Исковое требование обосновано тем, что по кредитному договору, заключенному 21 мая 2013 года между кредитором и должником Джумаром Агаевым, была открыта кредитная линия на сумму 30.000 долларов США сроком на 120 месяцев. На основании кредитного соглашения от 25 февраля 2014 года был выдан кредит в размере 13.000 долларов США сроком на 24 месяца под 2,25% в месяц. В связи со смертью должника 13 сентября 2015 года подлежащие средства выплаты, состоящие из его кредитного и процентного долга необходимые выплаты, банку выплачены не были и у него остался долг в размере 6.249,39 долларов США. Для обеспечения исполнения должником обязательств по отмеченному кредитному договору были заключены договоры о поручительстве, согласно которым К. Мамедов, Й. Агаев, М. Алиева и Н. Азимов взяли на себя ответственность совместно с должником Дж. Агаевым.

Определением Габалинского районного суда от 23 января 2017 года в связи со смертью ответчика Дж. Агаева его заменили правопреемники – жена Ч. Агаева и дети С. Агаев и Э. Агаев.

Решением Габалинского районного суда от 29 августа 2017 года иск был частично удовлетворен, с правопреемников Ч. Агаевой, С. Агаева и Э. Агаева в пользу ЗАО “AccessBank”, удержан общий кредитный долг в размере 6.249,39 долларов США, исковое требование в части, касающейся поручителей К. Мамедова и прочих, отклонен.

Суд первой инстанции, отклонив исковое требование в этой части,

обосновал свое решение тем, что в связи с акцессорным характером договора поручительства для предъявления кредитором требования к поручителю должно быть нарушено основное обязательство, в настоящем же деле основное обязательство до смерти Дж. Агаев нарушено не было, поэтому следует применять статьи 442, 448.1, 470, 472.1, 739.1 и 1306.1 Гражданского Кодекса.

ЗАО “AccessBank”, подав апелляционную жалобу, просил вынести решение об отмене решения суда первой инстанции, удержании с правопреемников Дж. Агаева и поручителей основного долга, процентов и пени.

Шекинский Апелляционный Суд при рассмотрении гражданского дела, принимая во внимание наличие неопределенностей в соответствующих нормах законодательства и различных подходов к данному вопросу в судебной практике, пришел к выводу о возникновении необходимости толкования Конституционным Судом некоторых статей Гражданского Кодекса.

Пленум Конституционного Суда считает, что для внесения ясности в поставленные в обращении вопросы, в первую очередь, следует проанализировать ряд норм гражданского законодательства, связанных с обязательственным правом, долгом, договором поручительства, а также наследственным правом.

Обязательственные правоотношения носят имущественный характер, и интересы уполномоченного лица обеспечиваются выполнением обязательств, непосредственно возложенных на должника.

Согласно статье 385.1 Гражданского Кодекса, по обязательству одно лицо (должник) обязано в пользу другого лица (кредитора) совершить определенное действие, такое, как уплата денег, передача имущества, выполнение работ, оказание услуг и т.д., либо уклониться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения обязанностей.

На основании статьи 386.1 Гражданского Кодекса, для возникновения обязательства должен существовать договор между его участниками, за исключением случаев, когда обязательство возникает вследствие причинения вреда, неосновательного обогащения или других оснований, предусмотренных настоящим Кодексом. Договор является одним из важных правовых фактов, обуславливающих возникновение обязательственных правоотношений. Согласно статье 389.1 данного Кодекса, договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Таким образом, заключая договор, стороны определяют права и обязанности, соответствующие их интересам. Цель же договора заключается в исполнении сторонами своих обязанностей, т.е. обязательств.

Одним из видов обязательств, вытекающих из договора, являются

обязательства, обусловленные договором займа. В соответствии со статьей 739 Гражданского Кодекса, по договору займа один из участников (лицо, дающее займы) обязуется перевести другому участнику (заемщику) право собственности на деньги или иные заменимые вещи, а другой участник (заемщик) соответственно обязуется возвратить лицу, дающее займы, полученное в виде денег или однородных вещей такого же качества и в таком же размере. Договор займа, предметом которого является какая-то денежная сумма, называется кредитным договором.

На основании кредитного договора, кредитор обязуется предоставить должнику деньги (кредит) в размере и на условиях, предусмотренных кредитным договором, а должник обязуется возвратить данную сумму и выплатить проценты.

Для нормального функционирования экономического оборота, обеспечения стабильности и устойчивости, взаимной веры и доверия участников договорных правоотношений необходимо добросовестное исполнение обязательств. Для снижения риска неисполнения, в том числе ненадлежащего исполнения обязательств в главе 24 Гражданского Кодекса предусмотрены способы обеспечения. Согласно статье 460.1 Кодекса, исполнение обязательств может обеспечиваться залогом, неустойкой, удержанием имущества должника, поручительством, гарантией, задатком и другими способами, предусмотренными настоящим Кодексом или договором.

По договору поручительства поручитель обязуется перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части (статья 470.1 Гражданского Кодекса). Договор поручительства заключается между кредитором и поручителем, который в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения основным должником своего обязательства обязуется выполнить данное обязательство. Тем самым, неисполнения либо ненадлежащего исполнения основным должником в будущем своего обязательства кредитор получает право предъявить поручителю требование об исполнении данного обязательства. Договор поручительства является договором акцессорного характера, зависящим от основного обязательства, признание основного договора недействительным или его прекращение становится причиной прекращения и данного договора.

В статье 472 Гражданского Кодекса указано, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно, если настоящим Кодексом или договором поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя. Поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполне-

нием или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства.

Как видно, законодатель выделил два вида ответственности поручителя:

- солидарную;
- субсидиарную.

Главная особенность солидарной (солидарный в переводе с лат. “solidus” – полный, целый) ответственности состоит в том, что в случае, если договором поручительства обговорен данный вид ответственности, то кредитор, при неисполнении или ненадлежащем исполнении основного обязательства, может по своему желанию и усмотрению предъявить требование как основному должнику, так и поручителю, либо одному из них.

При субсидиарной (от лат. “subsidiaries” – запасной, вспомогательный) ответственности кредитор в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, обеспеченного поручительством, в первую очередь, должен предъявить требование основному должнику, использовать все возможные средства для обеспечения исполнения им обязательства, обратившись с иском в суд, предпринять необходимые действия, направленные на принудительное исполнение должником обязанностей и (или) возмещение причиненного ущерба. Лишь после этого требование по исполнению обязательства может быть предъявлено поручителю, несущему субсидиарную ответственность.

Основания же прекращения поручительства предусмотрены в статье 477 Гражданского Кодекса. На основании данной статьи, поручительство прекращается в следующих случаях:

- с прекращением обеспеченного им обязательства, а также в случае изменения этого обязательства, влекущего увеличение ответственности или иные неблагоприятные последствия для поручителя, без согласия последнего;
- с переводом на другое лицо долга по обеспеченному поручительством обязательству, если поручитель не дал кредитору согласия отвечать за нового должника;
- если кредитор отказался принять надлежащее исполнение, предложенное должником или поручителем;
- по истечении указанного в договоре поручительства срока, на который оно дано. Если такой срок не установлен, оно прекращается, если кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения, обеспеченного поручительством обязательства, не предъявит иска к поручителю. Когда срок исполнения основного обязательства не указан и не может быть определен или определен моментом востребования, поручительство прекращается, если кредитор не предъявит иска к поручи-

телю в течение двух лет со дня заключения договора поручительства.

Как видно, ограниченный круг оснований для прекращения договора поручительства точно определен в законодательстве. В статье 477 Гражданского Кодекса смерть должника не предусмотрена как основание для прекращения договора поручительства, в случае смерти должника поручитель продолжает обеспечивать обязательство, за которого он поручился. Это также обусловлено тем, что договором поручительства поручитель принимает перед кредитором риск неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства по основному договору и гарантирует кредитору обеспечение его интересов в случае реализации данного риска, то есть неисполнение основного обязательства по причине смерти должника также входит в круг рисков, компенсируемых поручителем.

Также следует отметить, что в большинстве случаев поручитель принимает на себя ответственность перед кредитором в связи с исполнением обязательства должника, исходя из личных отношений с ним. Однако существующие между должником и поручителем отношения не составляют правовой основы договора поручительства. Правовую основу данного договора составляют принятие поручителем на себя ответственности за исполнение основного обязательства, предоставление кредитору гарантии исполнения обязательства.

Подавший обращение указывает, что иногда смерть должника и принятие наследственного имущества наследниками расценивается как переход долга к другому лицу, и в случае, когда поручитель не дал кредитору согласия отвечать за нового должника, договор поручительства прекращается на основании перевода долга, обеспеченного поручительством на другое лицо.

В связи с этим Пленум Конституционного Суда считает необходимым отметить, что предусмотренное статьей 477 Гражданского Кодекса выражение “с переводом на другое лицо долга”, содержит в себе факт перевода должником по собственной воле прав и обязанностей по основному договору на другое лицо. Так, согласно статье 522 Гражданского Кодекса, по договору с кредитором обязательство может быть передано третьему лицу; вследствие этого он заменяет прежнего должника; достигнутое с должником соглашение о передаче обязательства третьему лицу действительно только с разрешения кредитора. Как видно, перевод прав и обязанностей по договору третьему лицу происходит по воле должника и с согласия кредитора. В этом случае для продления юридической силы договора поручительства заключенного в целях обеспечения исполнения вышеотмеченного договора, согласие поручителя обязательно. В случае же смерти должника его права и обязанности в порядке универсального правопреемства переходят к наследникам, принявшим наследство, то есть в этом случае права и обязанности по

договору независимо от воли сторон в связи со смертью должника и принятием наследниками наследства переходят к последним.

Одним из институтов, служащих предотвращению отмены обязательств должника в связи с его смертью и тем самым лишения заключенных договоров правового обеспечения, является институт наследования. Наследственное право – это совокупность правовых норм, устанавливающих правила перехода наследникам по закону или по завещанию имущества и связанных с ним прав и обязанностей умершего лица. В соответствии со статьей 1151 Гражданского Кодекса, наследство (наследственное имущество) включает в себя совокупность имущественных прав (наследственный актив) и обязанностей (наследственный пассив), которыми наследодатель обладал к моменту смерти, то есть наследники, принявшие наследство, в порядке универсального правопреемства, принимают и обязанности наследодателя.

На основании статьи 558 Гражданского Кодекса, обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника. Согласно статье 1153 данного Кодекса, в состав наследства не входят имущественные права и обязанности, которые носят личный характер и могут принадлежать только наследодателю, а равно предусмотренные законом или договором права и обязанности, которые имеют силу только при жизни кредитора и должника и прекращаются их смертью. Таким образом, права и обязанности личного характера не переходят наследникам умершего лица в порядке наследования. Обязанности же должника, вытекающие из кредитного договора — это обязательства имущественного характера, не связанные с лицом и не требующие личного исполнения, исполнение которых возможно третьими лицами. Поэтому со смертью должника его обязательства по кредитному договору не прекращаются, данные обязательства исполняются наследниками наследодателя.

Так, в соответствии со статьей 1306 Гражданского Кодекса наследники обязаны полностью удовлетворить интересы кредиторов наследодателя пропорционально доле каждого из них в полученном активе как совместные должники. Статья 1146 данного Кодекса устанавливает, что временем открытия наследства признается день смерти наследодателя либо день вступления в силу решения суда об объявлении физического лица умершим. На основании статьи 1255 Гражданского Кодекса, принятое наследство со дня его открытия признается собственностью наследника.

Исходя из содержания указанных норм, Пленум Конституционного Суда отмечает, что наследники, принявшие наследство, несут ответственность за исполнение обязательства со дня открытия наследства. Однако следует учитывать, что во многих случаях наследники

не могут осуществлять право распоряжения наследным имуществом с момента его открытия. Так, согласно статье 1246 Гражданского Кодекса наследник может принять наследство в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о призыве к наследованию. Не допускается прием наследства по истечении шести месяцев со дня открытия наследства. Наследство признается принятым наследником, если он подал заявление о его принятии в нотариальную контору по месту открытия наследства либо фактически вступил во владение или управление имуществом, продемонстрировав тем самым принятие наследства (статья 1243.2 Гражданского Кодекса).

Как видно, законодатель предоставил наследникам возможность принять наследство в течение трех месяцев со дня его открытия и не исключил продления данного срока до шести месяцев. В этом контексте наследники, как правило, не обладают правом распоряжаться наследственным имуществом в течение шести месяцев со дня открытия наследства, поэтому не могут исполнять обязательств перед кредитором наследодателя.

На основании вышеотмеченного Пленум Конституционного Суда считает, что при предъявлении кредиторами наследодателя к наследникам требования в связи с исполнением обязательства, следует учитывать сроки, установленные в законодательстве в связи с принятием наследства.

Что касается поднятого в обращении вопроса о том, что в случае смерти должника ответственность за исполнение его обязательств должны нести наследники либо поручитель, следует отметить, что договор поручительства, имея акцессорный характер, выступает как средство обеспечения основного обязательства. Поэтому обязательство поручителя по договору поручительства по сути является “дополнительным обязательством”, то есть для того, чтобы кредитор мог потребовать у поручителя исполнения обязательства, в первую очередь требуется неисполнение или ненадлежащее исполнение должником, а также его наследниками своих обязательств. Лишь после этого поручителю может быть предъявлено требование об исполнении обязательства, вытекающего из договора поручителя.

Пленум Конституционного Суда, принимая во внимание то, что в случае смерти должника становятся наследники, принявшие должниками по обязательствам наследодателя, считает, что ответственность перед кредитором наследодателя в первую очередь, должны нести наследники, принявшие наследство. В случае, если наследники уклоняются от исполнения основного обязательства либо исполняют ненадлежащим образом его, а также, если объем наследственного имущества не позволяет наследникам исполнять основное обязательство или исполнять его надлежащим образом, то для восстановления нару-

шенных интересов кредитор в праве предъявлять требование к поручителю.

Принимая во внимание защиту интересов поручителя исполнившего обязательство, законодатель в статье 475.1 Гражданского Кодекса установил, что к поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора, то есть после исполнения обязательства поручитель вправе в порядке регресса требовать от должника возмещения причиненного ему ущерба в полном объеме, а в случае смерти должника от наследников в размере полученных ими наследных паев.

Что касается предела ответственности наследников следует отметить, что ответственность наследников по долгу наследодателя ограничивается размером наследства. Так, на основании статьи 1306.1 Гражданского Кодекса, наследники обязаны полностью удовлетворить интересы кредиторов наследодателя пропорционально доле каждого из них в полученном активе как совместные должники.

В отличие от наследников, предел ответственности поручителя не ограничивается размером наследства. А это вытекает из ответственности поручителя за полное обеспечение интересов кредитора, именно в случае неисполнения должником обязательства, если в договоре не предусмотрен иной порядок.

Если обратиться к законодательству зарубежных стран, можно убедиться в том, что в большинстве стран принят именно такой подход. На основании Гражданского Уложения Федеративной Республики Германия, в случае смерти основного должника, поручитель не может ссылаться на то, что наследник должника несет ограниченную ответственность (статья 786.1 Гражданского Уложения).

На основании Гражданского Кодекса Российской Федерации, смерть должника, реорганизация юридического лица — должника не прекращают поручительство (статья 367 часть 4 Гражданского Кодекса).

В статье 477 Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики, предусматривающей случаи прекращения поручительства, не урегулирован вопрос влияния случая смерти должника на юридическую силу отношений поручительства.

В пункте 13 части I статьи 94 Конституции Азербайджанской Республики установление правил по вопросам права собственности, в том числе правового режима государственной, частной и муниципальной собственности, права интеллектуальной собственности; других имущественных прав; обязательственного права отнесено к полномочиям Милли Меджлиса Азербайджанской Республики (далее — Милли Меджлис).

Основываясь на вышеотмеченное, Пленум Конституционного Суда считает, целесообразным усовершенствование законодателем статьи 477 Гражданского Кодекса, регулирующего прекращение поручительства.

Что же касается вопроса ответственности поручителя и наследников за проценты, начисленные на основной долг, следует отметить, что на основании статьи 399.3 Гражданского Кодекса, договором может быть предусмотрено, что окончание срока действия договора влечет прекращение обязательств сторон по договору. Договор, в котором отсутствует такое условие, признается действующим до определенного в нем момента окончания исполнения сторонами обязательства. Как видно, окончание срока договора, если не обговорено иное, не приводит к завершению договорных отношений между сторонами, обязательственные отношения между ними продолжают, кредитор и в этом случае обладает правом требовать у должника исполнения обязательств по договору.

В этом контексте Пленум Конституционного Суда отмечает, что по кредитному договору смерть должника также не прекращает договорных отношений между сторонами и проценты по основному долгу могут продолжать начисляться.

В соответствии с «Правилами выдачи кредитов в банках», утвержденными Протоколом Правления Центрального Банка Азербайджанской Республики от 18 ноября 2008 года №34, каждый банк должен предусмотреть во внутренних правилах банка, определяющих минимальные требования, касающиеся внутренней стратегии и правил банков по кредитному риску и выдаче кредитов положения, регулирующие критерии выдачи кредитов, сроки и условия их выплаты, удержание долга, подсчет процентных ставок по отдельным кредитам и их различным видам, льготы, случаи перевода кредитов в статус беспроцентных в зависимости от их видов и сроков просрочки и др. вопросы.

Как видно, продолжение или прекращение исчисления процентов, т.е. вопрос применения льгот после смерти должника может быть решен в соответствии с внутри банковскими правилами. Однако следует также учитывать, что одним из важных гражданско — правовых принципов является принцип добросовестности. На основании статьи 5.3 Гражданского Кодекса, субъекты гражданско — правовых отношений обязаны добросовестно выполнять свои права и обязанности. То есть в случае смерти должника кредиторы при рассмотрении вопроса о продолжении начисления процентов должны исходить из принципа добросовестности, учитывать размер наследственного имущества, материальное положение наследников и др. факты.

В связи с вопросом об ответственности поручителя и наследников

к неустойке следует отметить, что в соответствии со статьей 462.1 Гражданского Кодекса неустойкой штрафом и пеней признается определенная договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. Как видно из содержания статьи, неустойка как способ обеспечения исполнения обязательства одновременно является видом ответственности, установленной сторонами за неисполнение или ненадлежащее исполнение должником своего обязательства. Как способа неустойки применение обеспечения исполнения обязательства, а также разновидности ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение должником своих обязательств, возможно в отношении поручителя и наследников, которые будут продолжать исполнение договора после смерти должника.

Однако следует учитывать, что как один из видов ответственности кредитор может требовать выплаты неустойки лишь при наличии вины должника, а в случае смерти должника, наследника либо поручителя. Так на основании статьи 462.2 Гражданского Кодекса, кредитор не вправе требовать уплаты неустойки, если должник не несет ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. Таким образом, в случае виновности наследников либо поручителей в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства, кредитор может предъявить требование о выплате неустойки лицу, совершившему данные действия.

Пленум Конституционного Суда, принимая во внимание наличие в судах большого количества споров, связанных с данным вопросом, и для предотвращения возможных проблем с возвратением кредитов в будущем, считает целесообразным при выдаче кредита страхование жизни заемщика по кредитным договорам. Это также вытекает из Распоряжения Президента Азербайджанской Республики от 22 апреля 2014 года за номером 398 “О единых правилах страхования по определенным видам добровольного страхования, предлагаемым физическим лицам”.

На основании вышеуказанного, Пленум Конституционного Суда приходит к следующим выводам:

- В соответствии со статьями 470, 472, а также 1146, 1255 и 1306 Гражданского кодекса, после смерти должника, в первую очередь, наследники, принявшие наследство со дня его открытия, несут солидарную ответственность перед кредиторами наследодателя в размере причитающегося им наследственного пая. При предъявлении кредиторами наследодателя наследникам требования об исполнении обязательства должны учитываться сроки, установленные в законодательстве в связи с принятием наследства.

- Смерть должника не влечет за собой прекращения поручительства. Ответственность поручителя перед кредиторами умершего должника не ограничивается объемом наследственного имущества. Если договором поручительства не предусмотрен иной порядок, то в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения наследниками обязательства, а также если размер наследственного имущества не позволяет им выполнить обязательство, то поручитель несет полную ответственность перед кредитором.

- После смерти должника наследники и поручитель, помимо основного долга, несут ответственность за процентный долг. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства в результате виновных действий должника, кредитор в порядке, отраженном в описательно — мотивированной части настоящего Постановления, может предъявить наследникам или поручителю требование о выплате начисленной неустойки. В случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства в результате виновных действий наследников или поручителя кредитор может требовать у лица, совершившего данные действия, выплаты неустойки.

- Необходимо рекомендовать Милли Меджлису с учетом правовых позиций, отраженных в описательно — мотивировочной части настоящего Постановления, усовершенствовать статью 477 Гражданского Кодекса, предусматривающую случаи прекращения поручительства.

Руководствуясь частью VI статьи 130 Конституции Азербайджанской Республики, и статьями 60, 62, 63, 65-67 и 69 Закона Азербайджанской Республики “О Конституционном Суде”, Пленум Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ПО С Т А Н О В И Л:

1. В соответствии со статьями 470, 472, а также 1146, 1255 и 1306 Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики, после смерти должника, в первую очередь, наследники, принявшие наследство, со дня его открытия несут солидарную ответственность перед кредиторами наследодателя в размере причитающегося им наследственного пая. При предъявлении кредиторами наследодателя наследникам требования об исполнении обязательства должны учитываться сроки, установленные в законодательстве в связи с принятием наследства.

2. Смерть должника не влечет за собой прекращения поручительства. Ответственность поручителя перед кредиторами умершего должника не ограничивается объемом наследственного имущества. Если договором поручительства не предусмотрен иной порядок, то в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения наследниками

обязательства, а также если размер наследственного имущества не позволяет им выполнить обязательство, то поручитель несет полную ответственность перед кредитором.

3. После смерти должника наследники и поручитель, помимо основного долга, несут ответственность за процентный долг. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства в результате виновных действий должника, кредитор в порядке, изложенном в описательно — мотивировочной части настоящего Постановления, может предъявить наследникам или поручителю требование о выплате начисленной неустойки. В случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства в результате виновных действий наследников или поручителя, кредитор может требовать у лица, совершившего данные действия, выплаты неустойки.

4. Рекомендовать Милли Меджлису Азербайджанской Республики, с учетом правовых позиций, отраженных в описательно-мотивировочной части настоящего Постановления, усовершенствовать статью 477 Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики, предусматривающую случаи прекращения поручительства.

5. Постановление вступает в силу со дня опубликования.

6. Постановление опубликовать в газетах “Азербайджан”, “Республика”, “Халг газети”, “Бакинский рабочий” и “Вестнике Конституционного Суда Азербайджанской Республики”.

7. Постановление является окончательным и не может быть отменено, изменено или официально истолковано ни одним органом или лицом.

РЕЗЮМЕ РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

“О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О международных договорах Республики Беларусь”” от 7 мая 2018 г. № Р-1123/2018

Конституционный Суд рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке обязательного предварительного контроля дело о конституционности Закона “О внесении изменений и дополнений в Закон “О международных договорах Республики Беларусь””. Положениями Закона вносятся изменения и дополнения в Закон “О международных договорах Республики Беларусь” путем изложения его в новой редакции (далее – Закон о международных договорах).

Закон принят в целях совершенствования правового регулирования отношений, связанных с заключением, вступлением в силу, официальным опубликованием, регистрацией, хранением, учетом, исполнением, приостановлением действия и прекращением международных договоров Республики Беларусь.

При рассмотрении дела Конституционный Суд исходил из следующего.

1. Статьей 3 Закона о международных договорах устанавливается, что заключение, вступление в силу, официальное опубликование, регистрация, хранение, учет, исполнение, приостановление действия и прекращение международных договоров Республики Беларусь осуществляются в соответствии с Конституцией, общепризнанными принципами международного права, Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, другими международными договорами Республики Беларусь, Законом о международных договорах и иными актами законодательства.

Приведенная норма, определяющая правовую основу указанных юридически значимых действий, отвечает положениям Конституции об установлении в Республике Беларусь принципа верховенства права, обязанности государства, всех его органов и должностных лиц действовать в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства (часть первая и вторая статьи 7); о признании Республикой Беларусь приоритета общепризнанных принципов международного права и обеспечении соответствия им законодательства (часть первая статьи 8); о том, что Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из общепризнанных принципов и

норм международного права (часть первая статьи 18).

2. В статье 1, 29 Закона о международных договорах вносятся дополнения, содержащие нормы о заявлениях к международным договорам.

Конституционный Суд отмечает, что формулирование заявлений к международным договорам используется в международной практике. Будучи по своей сути интерпретационным правовоположением декларативного характера, заявление к международному договору, хотя и не направлено на изменение содержания договора, может стать действенным средством, обеспечивающим корректировку поведения субъектов международного права с целью учета интересов Республики Беларусь. Поскольку Венская конвенция предусматривает случаи, когда формулирование оговорок к договору не допускается (пункты “а” — “с” статьи 19), заявления к международному договору остаются единственным средством, позволяющим выразить особую позицию государства.

Возможность формулирования заявлений к международным договорам, по мнению Конституционного Суда, отвечает положениям Конституции, гарантирующим права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства (часть третья статьи 21); закрепляющим обязанность государства принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией (часть первая статьи 59).

3. В отличие от Закона “О международных договорах Республики Беларусь” в действующей редакции, в Законе не воспроизводится положение о том, что нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства.

Оценивая данное изменение правового регулирования, Конституционный Суд исходя из положений части первой статьи 7, части первой статьи 8 и части третьей статьи 21 Конституции, Конституционный Суд считает, что в целях соблюдения конституционных принципов верховенства права и правовой определенности законодателю при дальнейшем совершенствовании правового регулирования следует учитывать, что нормы права, содержащиеся в ратифицированных международных договорах, являются составной частью действующей системы права на территории Республики Беларусь.

4. В статье 17 Закона о международных договорах закрепляются положения о формах выражения согласия Республики Беларусь на обязательность для нее международного договора.

Конституционный Суд считает, что нормы международного права, согласие на обязательность которых для Республики Беларусь

выражено не путем принятия нормативного правового акта о ратификации, утверждении (принятии), присоединении, правопреемстве, а иными способами — подписанием международного договора, путем обмена нотами, письмами или иными документами, и которые вступили в силу со дня совершения данных действий, также являются частью действующего на территории Республики Беларусь правового регулирования и подлежат непосредственному применению. Коллизии международно — правовых норм и норм внутригосударственного законодательства, по мнению Конституционного Суда, необходимо устранять на основе общепризнанного принципа международного права “договоры должны соблюдаться” (статья 26 Венской конвенции).

5. Конституцией предусмотрено, что Республика Беларусь в соответствии с нормами международного права может на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них (часть вторая статьи 8).

Для обеспечения деятельности межгосударственных образований и других международных организаций в соответствии с учреждающими их международными договорами, а также общепризнанными нормами и принципами международного права образуются органы указанных субъектов международных отношений, которые могут обладать определенными дискреционными полномочиями.

В части третьей статьи 37 Закона о международных договорах устанавливается, что если международным договором Республики Беларусь предусмотрена обязательность акта органа международной организации или межгосударственного образования, участницей которого является Республика Беларусь, то такие акты подлежат добросовестному исполнению Республикой Беларусь в соответствии с условиями международного договора и (или) международным правом, а также непосредственному применению в случае, когда непосредственное применение следует из такого акта и (или) соответствующего международного договора.

Конституционный Суд отмечает, что данный законодательный подход направлен на обеспечение должного функционирования межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь, основывается на положениях части второй статьи 1, частей первой и второй статьи 7, частей первой и второй статьи 8, части первой статьи 59 Конституции и согласуется с общепризнанными нормами и принципами международного права, а также международно — правовой доктриной.

При этом Конституционный Суд подтверждает правовую позицию, содержащуюся в Послании Конституционного Суда Президенту и палатам Национального собрания “О состоянии конституционной

законности в Республике Беларусь в 2013 году”, согласно которой открытость Республики Беларусь для международно — правовой интеграции обуславливает возможность передачи части суверенных полномочий наднациональным структурам межгосударственных объединений; при этом, исходя из верховенства Конституции, не могут ограничиваться суверенное право народа Беларуси самостоятельно определять свой путь развития, изменяться демократический, социальный и правовой характер белорусского государства, умаляться конституционные права и свободы граждан.

6. Статьей 31 Закона о международных договорах предусматривается официальное опубликование международных договоров Республики Беларусь, в том числе временно применяемых.

Таким образом, законодателем реализована правовая позиция, изложенная в решении Конституционного Суда от 8 июля 2013 г. “О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О международных договорах Республики Беларусь”, в части устранения правовой неопределенности, касающейся опубликования временно применяемых Республикой Беларусь международных договоров.

В указанном решении Конституционным Судом было признано необходимым установление порядка официального опубликования временно применяемых Республикой Беларусь международных договоров на том основании, что поскольку международные договоры, временно применяемые Республикой Беларусь до их вступления в силу, могут содержать положения, непосредственно затрагивающие права, свободы и обязанности граждан, то они подлежат исполнению в том же порядке, что и международные договоры, вступившие в силу, и, следовательно, являются составной частью правовой системы Республики Беларусь.

Своевременное и полное исполнение решений Конституционного Суда, как отмечено в Послании Конституционного Суда Президенту и палатам Национального собрания “О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году”, способствует утверждению конституционной законности, поддержанию высокого уровня доверия граждан к правосудию и деятельности органов государственной власти, свидетельствует о реализации конституционных гарантий защиты прав, свобод и законных интересов каждого, что представляет собой реальное проявление конституционализма как неотъемлемой части правосознания личности и правовой культуры общества в целом.

Конституционный Суд приходит к выводу, что изменения и дополнения, вносимые в Закон “О международных договорах Республики Беларусь”, по содержанию норм, форме акта, порядку принятия

и с точки зрения разграничения компетенции между государственными органами соответствуют Конституции.

РЕЗЮМЕ
РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

“О праве и порядке обжалования в суд осужденными к ограничению свободы, исправительным работам и иным видам наказания примененных к ним мер взыскания” от 10 апреля 2018 г.
№ Р-1141/2018

Производство по делу возбуждено Конституционным Судом в соответствии с частями первой и четвертой статьи 158 Закона “О конституционном судопроизводстве” на основании обращения гражданина об обеспечении конституционного права на судебную защиту путем определения в законодательстве права и порядка обжалования в суд осужденными к ограничению свободы примененных к ним мер взыскания за нарушение порядка и условий отбывания наказания.

При рассмотрении дела Конституционный Суд исходил из следующего.

1. Конституция гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах (часть третья статьи 21); равенство всех перед законом и право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов (статья 22); защиту прав и свобод каждого компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки (часть первая статьи 60).

Приведенным конституционным принципам и нормам корреспондируют положения международно — правовых актов. Международным пактом о гражданских и политических правах предусмотрено, что каждый имеет право при определении его прав и обязанностей на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (статья 14).

В соответствии с Минимальными стандартными правилами ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятыми Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 года, правонарушитель имеет право подать запрос или жалобу в судебный или другой компетентный независимый орган по вопросам, затрагивающим его или ее личные права в процессе применения мер, не связанных с тюремным заключением (подпункт 3.6 пункта 3).

Европейские пенитенциарные правила, принятые Комитетом министров Совета Европы 11 января 2006 года, предусматривают право

заклученного, признанного виновным в совершении дисциплинарного проступка, на обжалование наложенного наказания в компетентном и независимом вышестоящем органе (пункты 57.2 “е” и 61).

В ряде решений Конституционного Суда указывалось, что право на судебную защиту относится к основным правам человека, которые признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а Республика Беларусь в соответствии с частью первой статьи 8 Конституции признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства.

Из приведенных конституционных положений и норм международно — правовых актов во взаимосвязи с требованиями части первой статьи 59 Конституции следует, что государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, включая судебную защиту этих прав и свобод, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной.

2. Нормами части 1 статьи 8 Уголовно — исполнительного кодекса (далее — УИК) предусмотрено, что государство гарантирует защиту прав, свобод и законных интересов осужденных, обеспечивает установленные законом условия применения наказания и иных мер уголовной ответственности в отношении осужденных, гарантии социальной справедливости, их социальную, правовую и иную защищенность.

Основные обязанности и права осужденных закреплены в статьях 9 и 10 УИК. В случае невыполнения осужденным возложенных на него обязанностей к нему могут быть применены меры взыскания, а также объявлено официальное предупреждение (часть 4 статьи 9 УИК).

Конституционный Суд отмечает, что применяемые к осужденным меры взыскания имеют существенное преюдициальное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и привлечения осужденных к уголовной ответственности. В связи с этим с целью недопущения нарушения гарантированных Конституцией прав и свобод личности важное значение имеет наличие эффективного законодательного механизма, обеспечивающего своевременную проверку законности и обоснованности примененных к осужденным мер взыскания.

При этом в УИК и Гражданском процессуальном кодексе (далее — ГПК) закреплены право и порядок обжалования в суд осужденными к аресту, лишению свободы и пожизненному заключению примененных к ним мер взыскания (часть 14 статьи 61 и часть 11 статьи 113 УИК, параграф 6-1 главы 29 ГПК). Однако в отношении осужденных к исправительным работам, ограничению свободы и иным видам

наказания право на обжалование в суд решения должностного лица о наложении мер взыскания не предусмотрено.

Конституционный Суд считает, что отсутствие в УИК и ГПК норм, устанавливающих право и порядок обжалования осужденными к ограничению свободы, исправительным работам и иным видам наказания примененных к ним мер взыскания, нарушает конституционные гарантии судебной защиты прав граждан, не позволяет указанным осужденным надлежащим образом защищать свои права и свободы и, как следствие, не способствует своевременности и эффективности восстановления нарушенных прав.

Снижение уровня гарантий судебной защиты лиц, осужденных в том числе к исправительным работам, ограничению свободы и иным видам наказания, права и законные интересы которых, по их мнению, нарушаются решениями должностных лиц органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, по сравнению с осужденными, право которых на оспаривание таких решений установлено в законодательном порядке, нельзя признать справедливым и соответствующим положениям статьи 22 Конституции, гарантирующим равенство всех перед законом и право без всякой

3. Конституционный Суд, основываясь на нормах Конституции, согласно которым в Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права, а государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства (часть первая и вторая статьи 7); государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности (часть вторая статьи 59), признает необходимым в целях реализации конституционного права каждого на судебную защиту, обеспечения верховенства права и правовой определенности в действующем правовом регулировании признать необходимым внести в Уголовно — исполнительный и Гражданский процессуальный кодексы изменения, устанавливающие право на обжалование в суд в порядке гражданского судопроизводства осужденными к ограничению свободы, исправительным работам и иным видам наказания примененных к ним мер взыскания.

Совету Министров предложено подготовить проект закона о

внесении изменений и дополнений в соответствующие законы и внести его в установленном порядке в Палату представителей Национального собрания.

РЕЗЮМЕ
РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*«О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона
Республики Беларусь “О нормативных правовых актах”
от 12 июля 2018 г. № Р-1142/2018*

Конституционный Суд рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке обязательного предварительного контроля дело о конституционности Закона “О нормативных правовых актах” (далее — Закон).

Законом определяются система и виды нормативных правовых актов, принимаемых (издаваемых) нормотворческими органами (должностными лицами), порядок их подготовки, в том числе требования, касающиеся нормотворческой техники, проведения экспертиз, принятия (издания), опубликования (обнародования), вступления в силу, действия, толкования и систематизации, регулируются иные вопросы нормотворческой деятельности.

При рассмотрении дела Конституционный Суд исходил из следующего.

1. В рамках реализации гражданами конституционного права на непосредственное участие в управлении делами общества и государства, а также на получение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов (часть вторая статьи 37, часть первая статьи 34 Конституции) Законом регламентируются вопросы публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов.

В пункте 2 статьи 7 Закона определяется, что публичному обсуждению, как правило, подлежат проекты законодательных актов и постановлений Совета Министров, затрагивающие права, свободы и обязанности граждан и юридических лиц и устанавливающие новые либо принципиально изменяющие существующие подходы к правовому регулированию определенной сферы общественных отношений, а также проекты актов законодательства, которые могут оказать существенное влияние на условия осуществления предпринимательской деятельности.

По мнению Конституционного Суда, публичное обсуждение, будучи по своей природе публично-правовым институтом, призвано обеспечить открытое, независимое и свободное общественное и (или)

профессиональное обсуждение проектов нормативных правовых актов, предоставляя каждому возможность участвовать в их обсуждении независимо от наличия специальных знаний либо принадлежности к определенным, в частности профессиональным, объединениям. Цель публичного обсуждения – получение общественной оценки правового акта, его соответствия общественным ожиданиям, что является одним из компонентов учета публичных и частных интересов.

Оценивая данное законодательное регулирование, Конституционный Суд отмечает, что оно согласуется с положением Конституции, устанавливающим, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценности и целью общества и государства (часть первая статьи 2), а также отвечает требованиям правового государства о транспарентности правового регулирования, его связанности с общественными ожиданиями и положительным влиянием на рост доверия граждан к государству и его органам.

2. Анализ положений статьи 8 Закона о принятии (издании) нормотворческими органами (должностными лицами) нормативных правовых актов в порядке эксперимента свидетельствует о закреплении такой формы апробирования новых подходов в правовом регулировании общественных отношений, как эксперимент. Одновременно исключаются имевшие место пробелы в действующем законодательстве, что позволяет обеспечить правовую определенность при решении связанных с экспериментом вопросов.

Законодатель, в частности, устанавливает, что по окончании эксперимента проводится анализ практики применения нормативного правового акта, принятого (изданного) в порядке эксперимента, позитивных и негативных последствий эксперимента, социальных и иных факторов, оказавших влияние на применение такого акта, произведенных расходов и полученных доходов в связи с проведением эксперимента, а также осуществляется прогноз позитивных и негативных последствий, которые появятся после принятия (издания) нормативного правового акта без ограничения его действия.

Конституционный Суд считает, что поскольку сформулированные в указанной статье Закона положения не исключают возможности негативных последствий принятия (издания) нормативных правовых актов в порядке эксперимента, то в случае выявления негативных последствий принятия (издания) нормативного правового акта в порядке эксперимента риск этих последствий не должен возлагаться исключительно на субъектов правоотношений, на которых распространялось действие такого акта, если соответствующие отношения имели правомерный характер и совершались в соответствии с установленными предписаниями и требованиями о проведении эксперимента.

3. Статьей 75 Закона регулируются отношения, касающиеся правового мониторинга, под которым понимается деятельность по систематическому анализу и оценке качества законодательства, практики правоприменения, эффективности правового регулирования общественных отношений, осуществляемая нормотворческими органами (должностными лицами), а также иными уполномоченными государственными органами (организациями) в пределах своей компетенции.

В данной статье Закона предусматривается, что в целях осуществления правового мониторинга указанными органами (организациями) проводятся публичные обсуждения, создаются рабочие группы, в том числе межведомственные, изучаются предложения государственных органов и иных организаций, в том числе научных организаций, общественных объединений, а также граждан по совершенствованию законодательства и практики правоприменения, анализируется информация, содержащаяся в средствах массовой информации, обзорах практики применения законодательства, осуществляется обмен информацией между заинтересованными государственными органами и иными организациями, используются иные способы, не противоречащие законодательству.

С учетом приведенного в анализируемой статье Закона понятия мониторинга, его правовой сущности и основных составляющих Конституционный Суд считает, что, хотя при определении названных возможных форм осуществления правового мониторинга не устанавливается единый порядок его осуществления, прогнозирования предполагаемых последствий принятия (издания), предусматриваемая Законом реализация нормотворческими органами и иными государственными органами законодательных предписаний по проведению правового мониторинга может оказать ожидаемое воздействие на повышение качества законодательства и практики правоприменения, исполнение нормативных правовых актов в соответствии с требованиями конституционных принципов и норм.

4. В Законе учтены правовые позиции Конституционного Суда, изложенные им в решениях от 18 декабря 2008 г. “О реализации субъективного права при прекращении действия правовых норм”, от 15 декабря 2010 г. “О действии нормативного правового акта во времени при прекращении делегированных полномочий на его принятие (издание)” и др.

Реализован ряд сформулированных в посланиях Конституционного Суда о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2012, 2014, 2016 и 2017 годах предложений Конституционного Суда концептуального характера по совершенствованию правовой системы государства: внедрение правового мониторинга как системной

деятельности государственных органов и иных организаций по оценке действенности национального законодательства; безусловное соблюдение нормотворческими органами принципа правовой определенности, согласно которому нормативный правовой акт должен носить определенный характер, эффективно воздействовать на общественные отношения и устанавливать соразмерное правовое регулирование; выработка на государственном уровне действенного механизма изучения и оценки регулирующего воздействия законодательных актов на достижение целей экономического и общественно — политического развития страны; внедрение действенного научного нормотворческого прогнозирования для обеспечения конституционно — правовой безопасности и предсказуемости законодательного регулирования.

Учет законодателем правовых позиций и предложений Конституционного Суда основывается на конституционном принципе разделения властей и направлен на надлежащее утверждение в нормотворческой деятельности принципов верховенства Конституции и верховенства права.

Конституционный Суд считает также, что преодоление нормотворческих дефектов, обуславливающих неконституционность нормативных положений либо влекущих неконституционное их применение, обеспечивается в том числе при своевременной и полной реализации законодателем, иным нормотворческим органом (должностным лицом) правовых позиций Конституционного Суда, направленных не только на выявление недостатков правового регулирования в целях их устранения, но и на установление конституционно — правового смысла нормативных предписаний и определение вектора дальнейшего совершенствования конституционно — правового регулирования соответствующих отношений.

5. В пункте 2 статьи 66 Закона законодателем формулируются предписания, касающиеся придания обратной силы нормативному правовому акту.

По своему содержанию данные предписания воспроизводят часть вторую статьи 67 Закона о нормативных правовых актах. При этом если в части первой пункта 2 анализируемой статьи Закона содержится правило императивного характера о том, что придание обратной силы нормативному правовому акту не допускается, если он предусматривает введение или усиление ответственности граждан и юридических лиц за действия, которые на момент их совершения не влекли указанную ответственность или влекли более мягкую ответственность, то в части второй данного пункта сохранена норма, согласно которой нормативные правовые акты, иным образом ухудшающие положение граждан и юридических лиц (возлагающие дополнительные (увеличенные) по сравнению с ранее существовавшими обязанности или ограни-

чивающие в правах либо лишаящие имеющихся прав), не имеют обратной силы, если иное не предусмотрено законодательными актами.

Оценивая законодательное положение о возможности придания обратной силы нормативным правовым актам, иным образом, ухудшающим положение граждан и юридических лиц, Конституционный Суд отмечает следующее.

В соответствии с частью шестой статьи 104 Конституции закон не имеет обратной силы, за исключением случаев, когда он смягчает или отменяет ответственность граждан.

Из смысла данной конституционной нормы следует, что она распространяется не только на законы, но и на все подзаконные акты, поскольку запрет на придание обратной силы нормативным правовым актам, устанавливающим либо усиливающим ответственность граждан, сформулирован в виде универсального правила, не содержащего исключений ни для законов, ни для иных нормативных правовых актов.

Согласно Конституции, ограничение прав и свобод личности возможно только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (часть первая статьи 23).

В связи с этим допущение законодателем возможности придания обратной силы нормативным правовым актам, иным образом, ухудшающим положение граждан и юридических лиц, если такое предусмотрено законодательными актами, не входит в противоречие с конституционными требованиями.

С учетом изложенного Конституционный Суд приходит к выводу, что Закон соответствует нормам Конституции и направлен на комплексное и системное регулирование отношений, касающихся нормотворческой деятельности, отвечающее требованиям принципов верховенства Конституции и верховенства права, повышение эффективности нормотворческой деятельности, оптимизацию процедуры подготовки проектов нормативных правовых актов, их принятия (издания), повышение уровня правовой культуры, что способствует дальнейшему формированию правового государства, укреплению правового суверенитета Республики Беларусь.

**ПОСЛАНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
“О СОСТОЯНИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН”**

(оглашено на совместном заседании Палат Парламента
Республики Казахстан 20 июня 2019 года)

В соответствии с подпунктом 6) статьи 53 Конституции Республики Казахстан Конституционный Совет Республики Казахстан направляет Парламенту Республики Казахстан Послание “О состоянии конституционной законности в Республике Казахстан”.

I.

Прошедший с момента оглашения предыдущего Послания период был ознаменован знаковыми для казахстанской государственности и конституционной идентичности историческими событиями.

В Казахстане имел место плавный процесс передачи верховной власти.

Первый Президент Республики Казахстан — Елбасы Нурсултан Абишевич Назарбаев 19 марта 2019 года добровольно заявил об отставке и сложил с себя полномочия действующего Главы государства.

Согласно пункту 1 статьи 48 Конституции полномочия Президента Республики Казахстан перешли к Председателю Сената Парламента страны. 20 марта 2019 года принес присягу народу и вступил в должность Президента Республики Казахстан К. Токаев.

20 марта 2019 года по инициативе Правительства при положительном заключении Конституционного Совета Парламентом Республики на совместном заседании Палат были внесены изменения в статью 2 Конституции Республики. Столица Казахстана получила новое имя Нур-Султан.

На основании Указа Президента Республики от 9 апреля текущего года назначены и 9 июня проведены внеочередные выборы Президента Республики Казахстан.

Переход полномочий Главы государства, внесение изменений в Конституцию и внеочередные выборы Президента Республики состоялись в строгом соответствии с требованиями Конституции и Конституционного закона Республики Казахстан “О выборах в Республике Казахстан”.

Тем самым была вновь подтверждена преемственность и приверженность общества и государства заявленному Елбасы еще на

заре независимости и постоянно обеспечиваемому курсу верного следования букве и духу Основного Закона. Передача власти прошла в спокойной, неконфликтной ситуации, что является мощным фактором обеспечения внутренней стабильности и укрепления международного авторитета Казахстана.

Конституционный Совет считает первостепенной задачей всех органов государства, институтов гражданского общества и граждан и в дальнейшем на новом этапе эволюции государственности обеспечение функционирования ветвей власти в условиях общественного согласия и политической стабильности, уважения других основополагающих принципов и ценностей Республики Казахстан, положений и норм Конституции страны.

За прошедший период в стране продолжена работа по последовательному утверждению конституционализма, повышению эффективности действия положений и норм Конституции в области государственного строительства, гарантированию прав и свобод человека и гражданина.

В Казахстане продолжается исполнение действующих документов системы государственного планирования: Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года (Указ Президента Республики от 15 февраля 2018 года), посланий Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана “Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции” (от 10 января 2018 года) и “Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни” (от 5 октября 2018 года), а также положений обращения к народу “Пять социальных инициатив Президента” (от 5 марта 2018 года).

Реализация программы “Рухани жаңғыру” дополнена приоритетами, определенными в новой статье Елбасы “Семь граней Великой степи”.

Получил мощное развитие курс на социально справедливое государство. Разработаны и реализуются новые масштабные меры по поддержке малообеспеченных и социально уязвимых слоев населения, по повышению благосостояния и улучшению качества жизни всех казахстанцев.

В числе особо значимых шагов по укреплению государственного суверенитета Казахстана подписание Президентом Республики Конвенции о правовом статусе Каспийского моря — международного договора между Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией, Туркменистаном; учреждение Туркестанской области и принятие Концепции генерального плана по развитию города Туркестана как культурно — духовного центра тюркского мира.

Высокий международный авторитет Казахстана был подтвержден во время выполнения миссии непостоянного члена Совета Безопас-

ности Организации Объединенных Наций и председательствования в нем; на прошедших в его столице международных встречах по Сирии; VI съезде лидеров мировых и традиционных религий и других крупных форумах.

Следующий 2020 год ознаменован 25-летием действующей Конституции Республики Казахстан, принятой народом Казахстана на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. Государственные органы и общественные объединения должны подготовиться к этому историческому событию, проанализировать достигнутые благодаря Основному Закону успехи, а также вызовы и риски, требующие повышенного внимания государства, общества и каждого казахстанца — патриота.

Конституционный Совет считает принципиально важным всемерную преемственность стратегического курса Елбасы по дальнейшему утверждению конституционализма; обеспечению верховенства права в качестве казахстанской общенациональной ценности; гарантированию народовластия, прав и свобод человека; повышению уровня защищенности личности и должного функционирования государственного аппарата.

II.

За истекший период Конституционный Совет согласно Конституции давал официальное толкование нормам Основного Закона и осуществлял иную деятельность согласно миссии по обеспечению верховенства и прямого действия Конституции.

В нормативном постановлении от 25 апреля 2019 года № 4 Конституционный Совет представил официальное толкование пункта 2 статьи 41 Конституции Республики. Данную норму в части слов “Президентом Республики Казахстан может быть избран гражданин Республики..., проживающий в Казахстане последние пятнадцать лет...” следует понимать таким образом, что кандидатом в Президенты Республики может быть зарегистрирован гражданин, постоянно проживающий на территории Республики Казахстан последние пятнадцать лет. В установленный пятнадцатилетний срок могут быть включены и периоды проживания за пределами Республики персонала дипломатической службы Республики Казахстан и приравненных к ним лиц, назначенных (избранных) на должности при международных организациях, членами которых является Казахстан.

20 марта 2019 года Конституционным Советом впервые было принято Заключение “О проверке проекта Закона Республики Казахстан “О внесении изменений в Конституцию Республики Казахстан” на соответствие Конституции Республики Казахстан”. Данное полно-

мочие было предоставлено Конституционному Совету Законом Республики Казахстан от 10 марта 2017 года “О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан”. По обращению Президента Республики Казахстан (подпункт 10-1) статьи 44 Конституции) инициированный Правительством (пункт 1 статьи 91 Конституции) проект закона был признан соответствующим Конституции Республики Казахстан (пункт 3 статьи 91 Конституции).

В нормативном постановлении от 15 февраля 2019 года №1 Конституционный Совет разъяснил, что перечень оснований досрочного прекращения полномочий Президента Республики Казахстан, установленный пунктом 3 статьи 42 Конституции Республики, не является исчерпывающим. Из конституционного статуса Президента Республики Казахстан вытекает его право на прекращение полномочий согласно собственному волеизъявлению, которое является самостоятельным основанием досрочного прекращения полномочий Главы государства.

Нормативным постановлением Конституционного Совета (далее — нормативное постановление КС) от 28 июня 2018 года № 4 были признаны соответствующими Конституции законы “О Совете Безопасности Республики Казахстан” и “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам деятельности Совета Безопасности Республики Казахстан”.

В порядке статьи 78 Основного Закона Конституционный Совет рассмотрел вопрос о конституционности применения привода в исполнительном производстве и указал на существенные недостатки законодательства (нормативное постановление КС от 3 июля 2018 года № 5).

Председателем и членами Конституционного Совета проводилась работа по разъяснению и пропаганде положений Конституции и решений Конституционного Совета на научных конференциях и в публикациях в средствах массовой информации.

Совместно с Фондом Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы и Казахским Национальным университетом имени аль-Фараби опубликована коллективная монография “РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: хроника утверждения конституционализма”. Книга и подготовленное на ее основе интерактивное учебное пособие будут широко использованы в работе с преподавателями, студентами и магистрантами по гуманитарным специальностям.

Надлежащее исполнение итоговых решений Конституционного Совета является важным условием обеспечения конституционных прав и свобод человека и укрепления режима конституционной законности в стране.

За истекший период в Казахстане принят ряд законодательных и иных актов, направленных на исполнение нормативных постановлений

Конституционного Совета, а также рекомендаций и предложений, содержащихся в его ежегодных посланиях о состоянии конституционной законности в Республике (далее – послание КС).

Так, в Законе Республики Казахстан от 21 января 2019 года “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты права собственности, арбитража, оптимизации судебной нагрузки и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства” раскрыто содержание таких понятий как “государственные нужды”, “исключительные случаи”, “условия равноценного возмещения” (нормативное постановление КС от 20 декабря 2000 года № 21/2 и послание КС от 12 июня 2013 года). Теперь при принудительном отчуждении имущества для государственных нужд его возмещение осуществляется по рыночной стоимости, а не по кадастровой или договорной, как это было раньше.

Во исполнение нормативного постановления КС от 3 июля 2018 года № 5 Закон Республики Казахстан от 2 апреля 2010 года “Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей” (далее — Закон “Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей”) дополнен новой статьей 35-1, в которой подробно урегулирован порядок применения привода в исполнительном производстве, а также разграничены полномочия государственных органов в процессе его применения.

В соответствии с пунктом 2 статьи 17 Конституции в целях укрепления гарантий неприкосновенности достоинства человека, недопущения нарушений прав и свобод личности Конституционный Совет в прошлом году рекомендовал усилить в соответствии с международными стандартами механизмы защиты граждан от пыток, насилия, другого жестокого или унижающего достоинство обращения или наказания.

Законом Республики Казахстан от 12 июля 2018 года “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно — процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов” в статьи 65 и 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — Уголовный кодекс) внесены изменения, согласно которым лица, совершившие пытки, не освобождаются от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и в связи с примирением.

Соответствующими государственными органами проводится работа по имплементации в национальное законодательство международных инструментов противодействия указанным общественно — опасным деяниям.

В послании от 19 июня 2014 года Конституционный Совет

рекомендовал уточнить предмет правового регулирования Закона “Об административных процедурах”, а также пересмотреть действующее определение понятия государственного органа, которое размывает публично — правовую природу его правового статуса.

В этих целях разработаны проекты Административного процедурно — процессуального кодекса и сопутствующего закона.

Нормативным постановлением КС от 14 декабря 2016 года № 1 Правительству Республики было рекомендовано рассмотреть вопрос об инициировании поправок в законодательные акты, регулирующие общественные отношения в сфере миграции населения.

По информации Правительства, в настоящее время Министерством труда и социальной защиты населения разработаны изменения и дополнения в действующее миграционное законодательство, которые планируется реализовать в рамках проекта Закона “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования миграционных процессов”.

В послании от 5 июня 2018 года Конституционный Совет внес ряд предложений по повышению уровня законотворческой работы, от которой в известной мере зависит состояние реализации конституционных ценностей.

По информации Министерства юстиции, в рамках Плана мероприятий по реализации Реформы 4 “Правовое государство без коррупции” Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года предусмотрены мероприятия, направленные на совершенствование нормотворческого процесса, систематизацию законодательства, улучшение правоприменения. Разработана концепция проекта Закона “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования нормотворчества”, которая предусматривает модернизацию всех стадий правотворческой работы, начиная с планирования, завершая реализацией принятых актов.

Министерством юстиции планируется внедрение современных технологий в нормотворческую деятельность государственных органов (робот по сбору информации из интернет — источников, BigData, искусственный интеллект и другие).

Продолжается работа по гармонизации положений Гражданского кодекса Республики, регулирующих вопросы дарения в отношении государственных служащих, с нормами Уголовного кодекса, регламентирующими условия освобождения от уголовной ответственности за коррупционные правонарушения, о чем Конституционный Совет сказал в прошлогоднем послании.

В ряде своих решений (нормативное постановление КС от 27 февраля 2008 года № 2 и послание КС от 15 июня 2018 года)

Конституционный Совет указывал, что закон, ограничивающий конституционные права и свободы человека и гражданина, должен соответствовать требованиям юридической точности и предсказуемости последствий. Кроме того, отмечалась необходимость продолжения работы по исключению в законодательных актах положений, противоречащих друг другу и создающих условия для нарушения прав и свобод граждан.

Указанная рекомендация Конституционного Совета на постоянной основе обеспечивается в ходе законотворческой работы путем корректировки правовых норм, исключения разночтений в текстах законодательных актов на государственном и русском языках.

Генеральной прокуратурой разработана Концепция проекта Закона “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного и уголовно — процессуального законодательства”, которая одобрена 19 сентября 2018 года на заседании Межведомственной комиссии по законопроектной деятельности. Концепцией предусматривается внесение поправок в Уголовный и Уголовно — процессуальный кодексы, направленных на обеспечение юридической точности законов.

Конституционный Совет неоднократно указывал, что в интеграционных процессах в рамках Евразийского экономического союза важно обеспечить безусловное соблюдение верховенства Конституции Республики Казахстан, максимальную синхронизацию отечественного и национального правового регулирования.

По информации Правительства, в реализацию новой редакции пункта 3 статьи 4 Основного Закона 16 ноября 2018 года на заседании Межведомственной комиссии по вопросам законопроектной деятельности одобрена концепция проекта Закона “О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан “О международных договорах Республики Казахстан””, в котором прорабатываются указанные вопросы. В настоящее время Министерство иностранных дел разрабатывает проект соответствующего закона.

Государственными органами продолжается деятельность по исполнению правовых позиций и рекомендаций Конституционного Совета.

III.

Конституционный Совет считает, что для устойчивого развития Республики Казахстан и ускоренного решения стоящих перед ней задач необходимо продолжение формирования сильного правового государства.

Конституционная законность может быть обеспечена, а ее принципы осуществлены только при условии неукоснительной реализации созидательного потенциала и требований Основного Закона в действующем праве и практике его реализации. На решение этой задачи направлены следующие предложения Конституционного Совета.

1. Согласно Конституции, права и свободы человека могут быть ограничены только законами. Функции государственных органов, затрагивающие вопросы правосубъектности физических и юридических лиц, в том числе по использованию мер правоограничительного характера, должны устанавливаться в законах (пункт 1 статьи 39, нормативные постановления КС от 4 апреля 2002 года № 2, от 27 февраля 2008 года № 2, от 16 мая 2013 года № 2, послание КС от 27 июня 2005 года и другие).

В последние годы во исполнение данных конституционных требований принят ряд законодательных актов.

Тем не менее, в действующем законодательстве все еще имеются подзаконные нормативные правовые акты, которыми регулируются важнейшие общественные отношения, указанные в пункте 3 статьи 61 Основного Закона, включая и механизм применения некоторых мер государственного принуждения, что недопустимо.

Так, привод как мера обеспечения применяется в разных видах производства. По мнению Конституционного Совета, в них, несмотря на различия в задачах и принципах ведения, данная мера имеет общую правовую природу и затрагивает существо ряда прав человека (на личную свободу, свободное передвижение и выбор местожительства и другие). Поэтому порядок ее применения во всех видах судопроизводства должен определяться законом.

Это касается и правовых актов, содержащих права и обязанности граждан, способствующих установлению признаков составов правонарушений и влияющих на определение мер ответственности (Правила дорожного движения и другие), которые целесообразно подвергнуть тщательной ревизии на предмет соответствия указанным конституционным положениям.

2. Дальнейшее утверждение Республики Казахстан в качестве правового государства определяет необходимость повышения уровня конституционализации законодательного массива.

2.1. Конституционное положение “без санкции суда лицо может быть подвергнуто задержанию на срок не более семидесяти двух часов” (пункт 2 статьи 16 Конституции) означает, что не позднее указанного времени в отношении задержанного должно быть принято решение суда о применении ареста и содержания под стражей, а также иных мер, предусмотренных законом, либо задержанный подлежит освобождению.

дению (нормативное постановление КС от 13 апреля 2012 года № 2).

В законодательных актах, регулирующих отношения ограничения права на личную свободу в соответствующих видах производства, данная правовая позиция Совета реализована не до конца.

Так, в Законе Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года “О профилактике правонарушений” в числе мер индивидуальной профилактики предусмотрено превентивное ограничение свободы передвижения (статья 29), которое применяется в отношении лица, не имеющего определенного места жительства и (или) документов, удостоверяющих личность, при отсутствии в его действиях признаков уголовных и административных правонарушений и невозможности установления его личности иными способами. Оно применяется органами внутренних дел с санкции суда и состоит из временной изоляции лица в специальном учреждении органов внутренних дел на срок до тридцати суток.

Вместе с тем, законодательно не установлены порядок (сроки) санкционирования судом данной меры, основания отказа в даче санкции, что не исключает возможность несоблюдения конституционного срока задержания и необоснованное его назначение.

Все еще сохраняет свою актуальность необходимость дополнительного законодательного урегулирования сроков задержания при выдворении лица за пределы страны и в иных видах производства.

2.2. Ряд решений Конституционного Совета касается вопросов правового режима собственности и гарантий ее неприкосновенности. В них отмечено, что отношения собственности должны регулироваться в строгом соответствии с Конституцией, на основе принципов правового государства, юридического равенства и справедливости с тем, чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота. Законодатель должен обеспечить правовую определенность, стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, поддерживая как можно более высокий уровень взаимного доверия между собственниками и создавая все необходимые условия для эффективной защиты права собственности (нормативное постановление КС от 11 июня 2014 года № 2 и другие). Данные правовые позиции должны найти надлежащее воплощение в отраслевом законодательстве.

Согласно Закону Республики Казахстан “Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей” взыскатель имеет право, причем неограниченное количество раз, требовать от судебного исполнителя возврата исполнительного документа. Такое возвращение не является препятствием для повторного предъявления этого документа к исполнению. При этом каждый раз течение срока для предъявления исполнительного документа к исполнению начинается вновь и истек-

шее до перерыва время не засчитывается в новый срок (статьи 12, 48). Подобное правовое регулирование может приводить к злоупотреблению кредиторами своими правами, затягиванию исполнительного производства, длительному ограничению прав собственника и нарушению конституционного баланса интересов взыскателя и должника.

2.3. Необходимо повысить гарантии конституционных прав потерпевших в уголовном процессе.

Согласно Уголовно — процессуальному кодексу производство по делам частного обвинения начинается не иначе как по жалобе потерпевшего (статья 32). Частное обвинение возбуждается лицом путем подачи в суд жалобы о привлечении лица к уголовной ответственности. При подаче жалобы в орган дознания, следователю или прокурору она подлежит направлению в суд (статья 408).

Жалоба должна содержать, в числе других, сведения о лице, привлекаемом к уголовной ответственности. Если поданная жалоба не соответствует установленным требованиям, судья предлагает подавшему ее лицу привести ее в соответствие с требованиями и, в случае неисполнения указания, своим постановлением отказывает в принятии жалобы к производству и уведомляет об этом лицо, ее подавшее (статья 409).

В нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 25 декабря 2006 года № 13 “О судебной практике по делам частного обвинения” разъяснено, что если жалоба по делу частного обвинения подана самим потерпевшим, то она вместе с материалами неотложных следственных действий в соответствии с частью пятой статьи 179 Уголовно — процессуального кодекса направляется в районный и приравненный к нему суд в соответствии с территориальной подсудностью дела, о чем уведомляется заявитель. В случае смерти потерпевшего до момента подачи им жалобы в суд по делам частного обвинения, дело не может возбуждаться на основании заявления его родственников, в связи с тем, что за ними не предусмотрена правопреемственность уголовного преследования (пункты 6 и 16).

Анализ уголовно — процессуального законодательства показывает, что в нем отсутствуют нормы, обязывающие органы уголовного преследования способствовать потерпевшему по уголовным делам частного обвинения в выяснении обстоятельств уголовного правонарушения при отсутствии сведений о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, а также нормы, предусматривающие возможность возбуждения частного обвинения по заявлениям близких лиц в случае смерти потерпевшего лица.

Конституционный Совет полагает, что установление порядка, при котором возбуждение уголовных дел частного обвинения и осуществле-

ние уголовного преследования по ним возложены на самих потерпевших, не освобождает государство в лице уполномоченных органов от выполнения своих конституционных обязанностей по обеспечению должной защиты прав и свобод граждан, в том числе судебной, а также режима законности и правопорядка в стране. Кроме того, конституционное положение о неприкосновенности достоинства личности обязывает государство устанавливать правовые гарантии защиты данного нематериального блага не только в период жизни человека, но и после его смерти.

В этой связи, в целях надлежащей защиты конституционных прав и свобод потерпевших от преступлений целесообразно внесение соответствующих поправок в Уголовно — процессуальный кодекс.

2.4. Конституционный Совет по итогам рассмотрения представления Специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области о признании неконституционным пункта 5 статьи 47 Кодекса Республики Казахстан “О браке (супружестве) и семье” отметил, что в силу естественных законов природы в период беременности и в первые годы жизни детей невозможно рассматривать интересы ребенка в отрыве от его матери. В этот важный этап необходимо гарантировать адекватную защиту их законных интересов. При этом Правительству было рекомендовано рассмотреть вопрос об инициировании поправок в указанный Кодекс с целью более полного обеспечения прав и свобод матери и ребенка.

В реализацию правовых позиций Совета Законом Республики Казахстан от 1 апреля 2019 года “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам, связанным с деятельностью организаций, осуществляющих функции по защите прав ребенка” упомянутая норма Кодекса изложена в новой редакции и в ней определены сроки получения матерью от отца ребенка денежных средств на расходы по ее содержанию.

Принятые меры в основном устранили терминологические неясности.

В целях защиты институтов материнства и детства Конституционный Совет считает необходимым принятие дополнительных законодательных мер.

В целом следует уделить серьезное внимание модернизации единой системы государственного покровительства института брака и семьи, материнства, отцовства и детства, создание которой вытекает из пункта 1 статьи 27 Конституции.

2.5. Целесообразно повысить эффективность государственной политики в области социальной защиты инвалидов. Предусмотренные в Законах Республики Казахстан “О социальной защите инвалидов в Республике Казахстан”, “О социальной и медико — педагогической

коррекционной поддержке детей с ограниченными возможностями” и иных законодательных актах меры должны создавать условия для реализации равных возможностей в жизнедеятельности такой категории граждан и их полной интеграции в общество.

2.6. Необходимо более широко использовать возможности судов по обращению в Конституционный Совет с представлениями о проверке конституционности введенных в действие правовых актов. Отсутствует четкий механизм оповещения судов о принятии Советом к производству обращений других судов.

В последнее время динамику таких обращений нельзя назвать положительной. Такой ситуации способствуют не только низкий уровень активности судей, но и организационные проблемы.

2.7. В целях реализации в законодательстве новой редакции пункта 3 статьи 4 Конституции и правовых позиций Конституционного Совета предлагаем внести в Закон Республики Казахстан “О международных договорах Республики Казахстан” поправки в части запрета на исполнение на территории Казахстана решений международных организаций, признанных не соответствующими Конституции, а также недопустимости утверждения либо принятия не подлежащих ратификации международных договоров, не согласующихся с Конституцией Республики Казахстан.

3. Согласно пункту 3 статьи 74 Конституции решения Конституционного Совета вступают в силу со дня их принятия, являются общеобязательными на всей территории Республики, окончательными и обжалованию не подлежат. В них нередко констатируются дефекты правового регулирования и указываются на возможные способы их устранения.

В этой связи укреплению режима конституционной законности способствуют и некоторые ранее внесенные рекомендации Совета, которые все еще не нашли своего решения, а именно:

урегулирование вопросов обратной силы нового закона (исполнения ранее наложенных административных взысканий) при переводе административных правонарушений в разряд уголовных правонарушений;

пересмотр общеправовых последствий судимости и прекращения уголовного преследования по так называемым нереабилитирующим основаниям;

уточнение в уголовном законодательстве цели совершения актов членовредительства осужденными и раскрытие содержания понятия “учреждение, обеспечивающее изоляцию от общества”, что позволит однозначно выделить признаки состава преступления и не допускать широкого толкования в правоприменительной практике.

Конституционный Совет считает, что реализация изложенных в

настоящем послании рекомендаций будет способствовать укреплению конституционализма при ведущей роли Основного Закона и усилению принципов верховенства права в стране.

В условиях новых конституционных реалий необходимо и дальше поднимать авторитет Основного Закона, продолжать формирование государства конституционного патриотизма. Главными его принципами являются верховенство права и правопорядок, всеобщее законопослушание и безопасность, свобода и ответственность. Дальнейшее развитие в законодательстве и организационно — практической деятельности государственных органов конституционных ценностей будет способствовать устойчивому и последовательному укреплению Государственной Независимости Республики Казахстан.

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
Р Е Ш Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОЙ ПАЛАТЫ ВЕРХОВНОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

*по делу о проверке конституционности абзаца третьей части 3
статьи 15 и части 2 статьи 17 конституционного Закона
Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики”
в связи с обращением Жорокулова Максатбека Мергенбаевича*

1 февраля 2019 года

город Бишкек

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в составе: председательствующего — судьи Мамырова Э.Т., судей Абдиева К., Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Касымалиева М.Ш., Киргизбаева К.М., Нарынбековой А.О., Осмоновой Ч.О., Саалаева Ж.И., при секретаре судебного заседания Джолгокпаевой С.А., с участием: стороны — ответчика — Сыдыкова Мунарбека Эрмама-товича, Орозобек уулу Максата, представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по доверенности; иных лиц — Мурзалиевой Жыргал Нуржановны, представителя Аппарата Президента Кыргызской Республики по доверенности, Есеналиева Максатбека Кульчоровича, представителя Правительства Кыргызской Республики по доверенности, Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Бекбашевой Чолпон Аскарбековны, представителя Высшей школы правосудия при Верховном суде Кыргызской Республики по доверенности, руководствуясь частями 1 и 6 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 18, 19, 37 и 42 конституционного Закона “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики”, рассмотрела в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности абзаца третьей части 3 статьи 15 и части 2 статьи 17 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики”. Поводом к рассмотрению данного дела явилось ходатайство Жорокулова М.М. Основанием к рассмотрению данного дела явилась обнаружившаяся неопределённость в вопросе о том, соответствует ли Конституции Кыргызской Республики абзац третьей части 3 статьи 15 и часть 2 статьи 17 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики”. Заслушав информацию судьи — докладчика Саалаева Ж.И., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и исследовав представленные материалы, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики 15 августа 2018 года поступило ходатайство Жорокулова М.М. о признании абзаца третьего части 3 статьи 15 и части 2 статьи 17 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” противоречащими части 1 статьи 5, абзацу второму части 2 статьи 16 и части 4 статьи 52 Конституции Кыргызской Республики.

Заявитель отмечает, что в соответствии с частями 5, 8 статьи 94 Конституции Кыргызской Республики судьей Верховного суда может быть гражданин Кыргызской Республики не моложе 40 лет и не старше 70 лет, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 10 лет; судьей местного суда может быть гражданин Кыргызской Республики не моложе 30 лет и не старше 65 лет, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 5 лет.

В то же время, обращающаяся сторона указывает, что в соответствии с оспариваемыми нормами граждане, отвечающие вышеуказанным требованиям Конституции, для того чтобы претендовать на должность судьи Кыргызской Республики должны пройти через трехэтапный конкурс и пройти девятимесячное обучение в Высшей школе правосудия при Верховном суде Кыргызской Республики. По мнению Жорокулова М.М., оспариваемые нормы ориентированы на материально обеспеченных граждан и являются дискриминационными для малообеспеченных граждан. В обоснование своей позиции заявитель в обращении приводит примерную сумму расходов, связанных с обучением в Высшей школе правосудия.

Кроме этого, по мнению Жорокулова М.М., законодатель устанавливая абзацем третьим части 3 статьи 15 и частью 2 статьи 17 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” в качестве дополнительного требования наличие сертификата, выдаваемого по окончании учебы претендентам на должности судей, не принял во внимание материальные расходы претендентов, прибывающих из разных регионов страны, и не предусмотрел равные возможности и условия для претендентов, в результате которого граждане ущемляются по имущественному положению.

Субъект обращения считает, что оспариваемые нормы рассчитаны на жителей города Бишкека, желающих стать судьями, и дискриминируют претендентов из других регионов Кыргызской Республики по имущественному положению.

Основываясь на вышеизложенном, заявитель просит признать абзац третий части 3 статьи 15 и часть 2 статьи 17 конституционного

Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” противоречащими части 1 статьи 5, абзацу второму части 2 статьи 16 и части 4 статьи 52 Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 20 сентября 2018 года данное обращение было принято к производству. Представитель стороны — ответчика Сыдыков М.Э. не согласившись с доводами обращающейся стороны, выразил следующее возражение. Оспариваемыми нормами конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” установлены единые требования ко всем гражданам Кыргызской Республики, желающим стать судьями независимо от их материального или другого положения и не предусмотрено прохождение конкурса для поступления на учебу и последующее обучение в Высшей школе правосудия в городе Бишкек либо в другом определенном регионе.

В соответствии со статьей 4 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” статус судьи определяется повышенными требованиями к его приобретению и прекращению, установлением высоких стандартов к личности обладателя, квалификации и поведению, усилением ответственности за ненадлежащее исполнение судебных полномочий, материальным и социальным обеспечением и иными гарантиями, соответствующими высокому статусу. В Решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 15 апреля 2015 года указано, что, исходя из специфики задач и характера деятельности, круга обязанностей и степени ответственности перед законом и обществом, должность судьи выделяется в особую категорию.

Также, Сыдыков М.Э. отметил, что судьи при отправлении правосудия выносят решения от имени Кыргызской Республики, судья — это особая профессия, в силу этого к ним предъявляются повышенные требования к их профессионализму, компетенции, ответственности и прохождению соответствующей подготовки. Это является серьезной предпосылкой для защиты на должном уровне прав и свобод человека и установления законности в стране.

На основании вышеизложенного, Сыдыков М.Э. выразил мнение, что абзац третий части 3 статьи 15 и часть 2 статьи 17 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” не противоречат части 1 статьи 5, абзацу второму части 2 статьи 16 и части 4 статьи 52 Конституции Кыргызской Республики, поскольку доводы приведенные гражданином Жорокуловым М.М. (процедура и порядок проведения конкурса и обучения, место проведения обучения) не находятся в системной связи с оспариваемыми нормами. Второй представитель стороны — ответчика

Орозобек уулу Максат поддержал доводы Сыдыкова М.Э.

Представитель Аппарата Президента Кыргызской Республики Мурзалиева Ж.Н., не согласившись с доводами обращающейся стороны, высказала следующее мнение в отношении оспариваемых норм. Предъявление высоких стандартов к квалификации, в том числе дополнительных требований к уровню подготовки граждан, претендующих на должность судьи, обусловлено высоким статусом судьи, как представителя одной из ветвей государственной власти, обеспечивающего защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Целью обучения лиц, не имеющих практики в судебной деятельности, является подготовка специалистов, готовых по профессиональным и моральным качествам отправлять правосудие, для их последующего отбора на судебские должности.

Таким образом, выполняются требования государства и общества по обеспечению судебного корпуса компетентными и независимыми сотрудниками. Эта цель достигается проведением соответствующего конкурса и наличием учебного процесса подготовки претендентов. При этом материальные и организационные трудности претендентов связаны с получением соответствующего объема знаний.

В связи с чем, доводы о дискриминационном характере дополнительных требований, содержащихся в оспариваемых нормах не обоснованы, так как они не допускают ограничения лиц по их экономическому статусу. Требования предъявляются лишь к их образованию, трудовому стажу и возрасту. В то же время, по мнению Мурзалиевой Ж.Н., имеются ряд вопросов, связанных с прохождением претендентами, получившими сертификаты, отбор через Совет по отбору судей Кыргызской Республики. В частности, претенденту, прошедшему обучение в Высшей школе правосудия и получившему сертификат об его успешном окончании, не предоставляются никакие гарантии о назначении его на должность судьи. Как показывает практика, система баллов Совета по отбору судей ставит в неравное положение таких претендентов по отношению к претендентам, имеющим судебский стаж. В основном они занимают по рейтингу низкие места и могут надеяться на назначение только в том случае, если Президент Кыргызской Республики отклонит претендента, имеющего более высокий рейтинг. В связи с чем, обучение с отрывом от производства в течение года не оправдывает себя.

В этой связи возникает двоякое положение, с одной стороны, государство, учитывая значимость обучения претендентов, несет серьезные финансовые расходы, с другой стороны, не может дать гарантии претендентам, получившим сертификаты по окончании учебы, назначения на должность судьи. В итоге это приводит к нерациональному использованию бюджета. Такое же нерациональное отношение

наблюдается и в отношении ресурсов претендентов. В связи с чем, Мурзалиева Ж.Н. считает возможным в целях защиты прав граждан, претендующих на должности судей, оптимизацию формата обучения претендентов через вечернее, дистанционное обучение.

На основании вышеизложенного, Мурзалиева Ж.Н. считает, что оспариваемые нормы конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” не противоречат Конституции Кыргызской Республики. По мнению представителя Правительства Кыргызской Республики Есеналиева М.К., в соответствии с частью 9 статьи 94 Конституции Кыргызской Республики статус судьи определяется конституционным законом, где возможно установление дополнительных требований для претендентов на должность судьи и определенные ограничения на должности судей Верховного суда, Конституционной палаты Верховного суда и местных судов. В связи с этим, в оспариваемых статьях конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” предусмотрены соответствующие дополнительные требования для кандидатов на должности судей, а именно требуется наличие сертификата, выдаваемого по результатам экзамена после окончания обучения. В соответствии с абзацем вторым части 2 статьи 16 Конституции Кыргызской Республики никто не может подвергаться дискриминации по признаку пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или иного положения, а также других обстоятельств.

Вместе с этим, абзац третий обозначенной статьи Конституции предусматривает, что не являются дискриминацией специальные меры, установленные законом и направленные на обеспечение равных возможностей для различных социальных групп в соответствии с международными обязательствами.

На основании вышеизложенного, Есеналиев М.К. считает, что нормы оспариваемых статей конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” не являются дискриминационными и не противоречат части 1 статьи 5, абзацу второму части 2 статьи 16 и части 4 статьи 52 Конституции Кыргызской Республики.

В то же время представитель Правительства Кыргызской Республики отмечает, что с учетом приведенных в ходатайстве обращающегося расчетов расходов на обучение претендентов, прибывших из дальних регионов страны, дополнительные требования, содержащиеся в оспариваемых нормах, приводят к ухудшению положения кандидатов, так как на законодательном уровне отсутствуют организационные механизмы и процедуры обучения претендентов на должность судей,

обеспечивающие его доступность для претендентов.

Представитель Верховного суда Кыргызской Республики Сапиянова М.Н. считает доводы обращающейся стороны необоснованными и выразила следующее мнение. Статус судей Кыргызской Республики определяется конституционным Законом, в нем могут быть установлены дополнительные требования и некоторые ограничения для кандидатов на должности судей. Оспариваемыми нормами конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” к лицам, впервые претендующим на замещение должности судьи Верховного суда, Конституционной палаты Верховного суда, местных судов и не имеющим стаж судейской работы, а также к лицам, имеющим судейский стаж работы, у которых при этом срок перерыва между подачей заявления на участие в конкурсе и освобождением лица от должности судьи либо прекращением полномочий судьи превышает десять лет, устанавливается следующее дополнительное требование — наличие сертификата, выдаваемого по результатам обучения претендентов.

Лица, претендующие на должность судьи, должны пройти обучение сроком до одного года, в течение которого ему предоставляется отпуск без сохранения заработной платы по месту работы. По окончании обучения проводится квалификационный экзамен, выдается сертификат, срок действия которого составляет три года. Программа обучения, состав комиссии по приему экзамена, а также порядок его сдачи утверждаются Советом судей. Обучение проводится безвозмездно, слушатели обеспечиваются учебно — методическими пособиями. По мнению Сапияновой М.Н., дополнительное обучение кандидатов в судьи по специальной программе и подготовка их к судейской профессии направлено на обеспечение назначения на должность судьи специалистов, обладающих квалификацией высокого уровня. Такие требования отвечают и международным правовым стандартам. В частности, в Основных принципах ООН, касающихся независимости судебных органов, предусмотрено, что лица, отобранные на судебные должности, должны иметь высокие моральные качества и способности, а также соответствующую подготовку и квалификацию в области права.

Судьей является лицо уполномоченное осуществлять правосудие в порядке, предусмотренном Конституцией и законами, и выполняющее свои обязанности на профессиональной основе. Статус судьи определяется повышенными требованиями к его обладателю и установлением высоких стандартов к его личности, квалификации и поведению, усилением ответственности за ненадлежащее исполнение судейских полномочий, материальным и социальным обеспечением соответствующим высокому статусу и другими гарантиями. На основании

вышеизложенного, Сапиянова М.Н. считает, что предусмотренные в оспариваемых нормах дополнительные требования к кандидатам на должности судей не могут расцениваться как дискриминация.

Представитель Высшей школы правосудия при Верховном суде Кыргызской Республики Бекбашева Ч.А. выразив свое несогласие с доводами обращаемой стороны, привела аналогичные аргументы, которые изложила в своем выступлении представитель Верховного суда Кыргызской Республики Сапиянова М.Н. Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики, обсудив доводы сторон, выслушав пояснения иных лиц и исследовав материалы дела, пришла к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 19 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики по данному делу являются абзац третий части 3 статьи 15 и часть 2 статьи 17 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” следующего содержания “Статья 15. Требования, предъявляемые к судьям Верховного суда, Конституционной палаты Верховного суда, порядок их избрания”

2. К лицам, впервые претендующим на замещение должности судьи Верховного суда, Конституционной палаты Верховного суда и не имеющим стаж судейской работы, а также к лицам, имеющим судейский стаж работы, у которых при этом срок перерыва между подачей заявления на участие в конкурсе и освобождением лица от должности судьи либо прекращением полномочий судьи превышает десять лет, устанавливается следующее дополнительное требование - наличие сертификата, выдаваемого по результатам обучения претендентов. Статья 17. Требования, предъявляемые к судьям местных судов

3. К лицам, впервые претендующим на замещение должности судьи местного суда и не имеющим стаж судейской работы, а также к лицам, имеющим судейский стаж работы, у которых при этом срок перерыва между подачей заявления на участие в конкурсе и освобождением лица от должности судьи либо прекращением полномочий судьи превышает десять лет, устанавливается следующее дополнительное требование — наличие сертификата, выдаваемого по результатам сдачи квалификационного экзамена (далее — экзамен). Экзамен сдается по итогам обучения претендентов. Сертификат действителен в течение трех лет. Программа обучения, состав комиссии по приему экзамена,

а также порядок его сдачи утверждаются Советом судей”.

Конституционный закон Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики” принят в соответствии с порядком, установленным законодательством Кыргызской Республики, опубликован в газете “Эркин Тоо” от 15 июля 2008 года №51, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

В соответствии с Конституцией Кыргызской Республики никто не может подвергаться дискриминации по признаку пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или иного положения, а также других обстоятельств (часть 2 статьи 16 Конституции Кыргызской Республики). Конституционно — правовой смысл указанного принципа был раскрыт в ряде решений Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики.

В частности, в Решении от 19 сентября 2018 года указано, что под конституционным принципом недискриминации понимается конституционный запрет ограничения или ущемления прав, свобод и законных интересов личности в зависимости от ее антропологических или социальных особенностей. При этом любая дифференциация правового регулирования, приводящая к различиям в правах и обязанностях субъектов права, должна осуществляться законодателем с соблюдением требований части 2 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики, в силу которой ограничения допустимы, если они объективно оправданны, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а вводимые ограничения, используемые для достижения этих целей, должны быть соразмерны им. Указанный конституционный принцип должен быть рассмотрен во взаимосвязи с принципом равенства и недискриминации в сфере государственной службы, закрепленным в части 4 статьи 52 Конституции Кыргызской Республики.

В соответствии с данным принципом гражданам гарантируются равные права и равные возможности при поступлении на государственную службу, продвижении в должности в порядке, предусмотренном законом, что означает право граждан на занятие любой государственной должности без всякой дискриминации. Однако это не означает, что гражданин вправе требовать, а государство обязано предоставить ему запрашиваемую должность. Установление особых требований и ограничений в сфере государственной службы, обусловленное спецификой трудовой деятельности государственных служащих, не может рассматриваться как нарушение или ограничение прав и свобод, гарантированных Конституцией Кыргызской Респуб-

лики. Такая специфика правового регулирования в сфере государственной службы обеспечивает реализацию принципов стабильности, профессионализма, компетентности, преемственности, сменяемости и постоянного совершенствования ее системы. Ограничения, касающиеся условий замещения определенных должностей, допустимы во всех сферах правового регулирования и связаны с различиями правового статуса лиц, принадлежащих к разным категориям, в зависимости от специфики, рода и условий деятельности. При этом, вводимые законодателем объективно оправданные и обоснованные ограничения, соразмерные общезначимым конституционным целям, в соответствии с частью 2 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики не могут рассматриваться как нарушение принципа равных прав и запрета дискриминации.

Такую правовую позицию Конституционная палата выражала в своих решениях от 30 апреля 2014 года, 18 февраля 2015 года. 3. Кыргызская Республика является правовым государством, в которой государственная власть основывается на принципе разделения государственной власти (на законодательную, исполнительную и судебную) (часть 1 статьи 1, статья 3 Конституции Кыргызской Республики). Судебная власть как одна из ветвей государственной власти призвана охранять право, правовые устои государственной и общественной жизни от любых нарушений, кто бы их не совершал. Исходя из конституционно-правового статуса судей, predetermined тем, что они осуществляют публичн — правовые задачи судебной власти, к судьям предъявляются повышенные требования – высокий профессионализм, компетентность, ответственность, наличие соответствующей подготовки, знаний и навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей. Компетентность судей рассматривается как принцип, основное начало построения и функционирования судебной системы. Требование правовой квалификации судей закреплено во многих международно — правовых документах.

Так, в Основных принципах ООН, касающихся независимости судебных органов, провозглашается, что “лица, отобранные на судебные должности, должны иметь высокие моральные качества и способности, а также соответствующую подготовку и квалификацию в области права”. Это обусловлено тем, что на судей возложены важные государственные функции по разрешению социальных конфликтов с помощью права и восстановление нарушенных прав может быть доверено лицам, соответствующим всем требованиям, предъявляемым к судье Основным законом, международными актами и законами.

В этой связи, уровень правовой подготовки судьи, его квалификация, компетентность являются краеугольным камнем судейской функции, поскольку от них зависит не только прямой результат их работы

— качество выносимых судебных актов и отправления правосудия, но и уровень доверия общества к судебной власти. Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в своем Решении от 15 апреля 2015 года указывала, что, исходя из специфики задач и характера деятельности, круга обязанностей и степени ответственности перед законом и обществом, должность судьи выделяется в особую категорию.

В этой связи к должности судьи предъявляются повышенные требования, которые выражаются в установлении высоких стандартов к личности обладателя, квалификации и поведению, и усилением ответственности за ненадлежащее исполнение судебных полномочий.

4. Конституция Кыргызской Республики установила требования к лицам, претендующим на должности судей Кыргызской Республики (статья 94).

При этом в части 9 статьи 94 Конституции Кыргызской Республики предусмотрена возможность установления конституционным законом дополнительных требований к кандидатам на должности судей. По смыслу приведенной диспозитивной нормы Конституции Кыргызской Республики, законодатель наделен полномочием по установлению дополнительных требований к кандидатам на должности судей, помимо тех, которые уже закреплены в Конституции Кыргызской Республики. В реализацию указанной конституционной нормы законодатель внес в статьи 15 и 17 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики” дополнения, устанавливающие дополнительные требования к лицам, впервые претендующим на замещение должности судьи Верховного суда, Конституционной палаты Верховного суда, местного суда и не имеющим стаж судейской работы, а также к лицам, имеющим судейский стаж работы, у которых при этом срок перерыва между подачей заявления на участие в конкурсе и освобождением лица от должности судьи либо прекращением полномочий судьи превышает десять лет — наличие сертификата, выдаваемого по результатам обучения претендентов. Основные условия обучения необходимого для получения сертификата регламентированы в статье 5 — 4 вышеуказанного конституционного Закона.

Согласно указанной статье обучение претендентов на должности судей осуществляется Высшей школой правосудия. Лица, претендующие на должность судьи, должны пройти обучение сроком до одного года, в течение которого ему предоставляется отпуск без сохранения заработной платы по месту работы. По окончании обучения проводится квалификационный экзамен.

Законодатель, принимая оспариваемые субъектом обращения нормы, действовал в рамках своей дискреции и руководствовался,

прежде всего, интересами граждан и общества в части обеспечения судейского корпуса квалифицированным и компетентным составом. Принцип правовой компетентности, заложенный в части 1 статьи 4 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики”, предполагает, что законодатель, исходя из особого статуса судей, должен предъявлять к ним как носителям судебной власти высокие стандарты к квалификации и иные требования, в том числе по уровню подготовки. Сомнения граждан в компетентности и профессионализме судей могут вызвать сомнения в законности и обоснованности их действий как носителей публичной власти, поскольку осуществление правосудия является одним из основных конституционных институтов, фундаментальных элементов государственности.

Вместе с тем, законодатель, при установлении дополнительных требований для кандидатов на должности судей, должен был руководствоваться теми же принципами, которые лежат в основе конституционных требований к претендентам на должности судей, а именно, они должны были соответствовать принципам равного доступа, равных возможностей при поступлении на государственную службу (часть 4 статьи 52 Конституции Кыргызской Республики). Причем, следует отметить, что существующий порядок приема претендентов на обучение в Высшей школе правосудия не может рассматриваться как выполнение вышеуказанных требований Конституции Кыргызской Республики. Таким образом, законодатель, принимая оспариваемые нормы и устанавливая дополнительные требования для кандидатов на должности судей, не учел ряд обстоятельств, которые стали реальным препятствием для участия в конкурсе большого числа претендентов на замещение вакантной должности судьи и привели к различиям в возможностях в связи с социальным и имущественным положением.

В частности, обучение кандидатов на должности судей проводится только по очной форме, что предполагает работающим лицам, зачисленным для прохождения обучения, оформить отпуск без сохранения заработной платы на длительный срок, так как период обучения, согласно указанного конституционного Закона, может составить до одного года. Здесь прослеживаются два момента: первое, не все руководители учреждений готовы предоставить отпуск на длительный срок, поскольку в этом случае увеличивается нагрузка на других сотрудников, и второе, если и предоставляется отпуск без сохранения заработной платы, то лицо лишается дохода в виде заработной платы. Учитывая, что, если у лица отсутствуют иные активы и источники дохода для содержания себя и членов своей семьи, это становится реальным препятствием для прохождения обучения именно по имущественному положению. Данное обстоятельство усугубляется еще и

тем, что обучение кандидатов на должности судей проводится в городе Бишкек в Высшей школе правосудия, которая не имеет соответствующей инфраструктуры для проживания обучающихся, приехавших из регионов, что предполагает аренду жилья на время обучения. Аренда жилья в этом случае также становится дополнительной неподъемной финансовой нагрузкой для претендентов из регионов, единственным источником дохода которых является заработная плата, которой они лишаются в связи с оформлением отпуска без сохранения заработной платы на период обучения.

При таких условиях более предпочтительные шансы на обучение появляются у тех, кто имеет финансовую поддержку со стороны или является финансово состоятельными, что создает предпосылки возникновения неравных условий для лиц с разными имущественными положениями. Действующая система хотя и направлена на обеспечение судейского корпуса квалифицированным и компетентным составом претендентов, однако набор очень ограниченного количества лиц на обучение в Высшей школе правосудия, с учетом дополнительных требований для претендентов, установленных статьями 15 и 17 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей Кыргызской Республики”, существенно сужает круг участников, претендующих на вакантные судейские должности, что в конечном итоге влияет также на отбор наиболее достойных на судейские должности.

Более того, действующая система обучения является неоправданной с точки зрения эффективности использования бюджетных средств на обучение претендентов, так как наличие сертификата, свидетельствующего об окончании обучения в Высшей школе правосудия не гарантирует, что кандидат в будущем займет должность судьи. В силу изложенного, такое избирательное воздействие оспариваемых норм на сферу отбора претендентов на должности судей нарушает гарантированные Конституцией Кыргызской Республики права граждан на защиту от дискриминации и равенство всех перед законом и судом. Оспариваемые нормы создают значительные препятствия для граждан, претендующих на должности судей в зависимости от их имущественного и социального положения. Безусловно, претенденты на вакантные судейские должности должны иметь глубокие теоретические знания и практические навыки для отправления правосудия на надлежащем уровне.

Однако, создание организационных предпосылок для получения таких навыков должно осуществляться без ущемления прав граждан по имущественному и социальному положению. Следовательно, оценка соответствия лиц, претендующих на должности судей, должна осуществляться с использованием одинаковых критериев, позволяющих принимать во внимание результаты их профессиональной

деятельности, отношение к труду, их деловые качества, а не основываться исключительно на факте отсутствия у них требуемого сертификата, подтверждающего прохождение обучения в Высшей школе правосудия. Такой подход согласуется и с конституционными принципами равенства и справедливости, из которых вытекает необходимость равного обращения с лицами, находящимися в равных условиях, и соблюдение которых означает, помимо прочего, запрет вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, находящихся в одинаковых или сходных обстоятельствах.

В силу приведенных конституционных предписаний на государство возложена обязанность по обеспечению такой организации отбора претендентов и подготовки судей, которая отвечала бы задачам получения качественного и высокопрофессионального судейского корпуса, гарантируя при этом равный доступ граждан к государственной службе. В целях достижения этой задачи государство обязано установить такие квалификационные требования, которые будут соответствовать принципам равенства всех перед законом и судом, равного доступа каждого к государственной службе.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики отмечает, что сила регулятивного воздействия оспариваемых заявителем норм (абзац третий части 3 статьи 15, часть 2 статьи 17 конституционного Закона “О статусе судей Кыргызской Республики”) находится в системной связи со статьями 5-4, 21-1 указанного конституционного Закона, которые устанавливают требования к прохождению обучения претендентами на должность судьи и правила их конкурсного отбора. Вместе с этим, оценка конституционности оспариваемых норм воздействует также на применимость статей конституционного Закона, находящихся в системной связи с ними, несмотря на то, что Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики, в соответствии с требованиями части 4 статьи 19 конституционного Закона “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики”, дает оценку конституционности только тех норм, которые были указаны в обращении заявителя. На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 1 части 6, частями 8 и 9 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 46, 47, 48, 51 и 52 конституционного Закона “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики”, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л А:

1. Признать абзац третий части 3 статьи 15, часть 2 статьи 17 конституционного Закона Кыргызской Республики “О статусе судей

Кыргызской Республики” противоречащими части 1 статьи 5, абзацу второму части 2 статьи 16, части 4 статьи 52 Конституции Кыргызской Республики.

2. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

3. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

4. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики и в “Вестнике Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики”.

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
Р Е Ш Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОЙ ПАЛАТЫ ВЕРХОВНОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности абзаца четвёртого подпункта «а» пункта 1 Ставок государственной пошлины, утверждённых постановлением Правительства Кыргызской Республики от 18 июля 1994 года № 521, в связи с обращением Самедова Самед Али оглы, представляющего интересы Бейшембаевой Нургул Абыкеевны

16 января 2019 года

город Бишкек

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в составе: председательствующего — судьи Мамырова Э.Т., судей Абдиева К., Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Касымалиева М.Ш., Киргизбаева К.М., Нарынбековой А.О., Осмонбаева Э.Ж., Осмоновой Ч.О., Саалаева Ж.И., при секретаре Аблакимове К.А., с участием: обращающейся стороны — Самедова Самед Али оглы, представляющего интересы Бейшембаевой Нургул Абыкеевны по доверенности; стороны — ответчика — Сарымсакова Манаса Болотовича, представителя Правительства Кыргызской Республики по доверенности; иных лиц — Мурзалиевой Жыргал Нуржановны, представителя Аппарата Президента Кыргызской Республики по доверенности, Курманалиева Канатбека Уланбековича, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, руководствуясь частями 1 и 6 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 18, 19, 37 и 42 конституционного Закона “О Конституцион-

ной палате Верховного суда Кыргызской Республики”, рассмотрела в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности абзаца четвёртого подпункта “а” пункта 1 Ставок государственной пошлины, утверждённых постановлением Правительства Кыргызской Республики от 18 июля 1994 года № 521.

Поводом к рассмотрению данного дела явилось ходатайство Самедова С.А., представляющего интересы Бейшембаевой Н.А.

Основанием к рассмотрению данного дела явилась обнаружившаяся неопределённость в вопросе о том, соответствует ли Конституции Кыргызской Республики абзац четвёртый подпункта “а” пункта 1 Ставок государственной пошлины, утверждённых постановлением Правительства Кыргызской Республики от 18 июля 1994 года № 521.

Заслушав информацию судьи — докладчика Нарынбековой А.О., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, и исследовав представленные материалы, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики 23 июля 2018 года поступило ходатайство Самедова С.А., представляющего интересы Бейшембаевой Н.А., о признании пункта 2 статьи 135, пункта 7 части 1 статьи 138, части 5 статьи 325, пункта 5 части 1 статьи 357 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики противоречащими частям 1, 2, 3, пунктам 3, 8 части 5 статьи 20, части 1 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики, а также абзаца четвёртого подпункта “а” пункта 1 и абзаца пятого подпункта “а” пункта 2 Ставок государственной пошлины, утверждённых постановлением Правительства Кыргызской Республики от 18 июля 1994 года № 521, противоречащими части 1 статьи 5, части 3 статьи 16 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из ходатайства и приложенных к нему материалов, у заявителя возник гражданский спор, который впоследствии решался в судах трех инстанций. Решение данного вопроса при реализации права на судебную защиту осложнялось несоразмерной суммой государственной пошлины, взыскиваемой с заявителя при подаче искового заявления, что ограничивало доступ к судебной защите.

Так, заявитель указывает, что Первомайский районный суд города Бишкек, руководствуясь оспариваемой нормой при цене иска в 1 904 000 (один миллион девятьсот четыре тысячи) сомов, взыскал с него государственную пошлину в размере 190 400 (сто девяносто тысяч четыреста) сомов, тогда как при рассмотрении экономических дел при аналогичной сумме иска взыскивается государственная пошлина в

размере 48 080 (сорок восемь тысяч восемьдесят) сомов.

В этой связи заявитель считает, что оспариваемые нормы, устанавливая необходимость уплаты государственной пошлины, как обязательное условие принятия искового заявления к производству, противоречат части 1 статьи 5, части 3 статьи 16, частям 1, 2, 3, пунктам 3, 8 части 5 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики.

По мнению субъекта обращения, согласно статье 20 Конституции в Кыргызской Республике не должны приниматься законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Такие ограничения могут быть введены также с учетом особенностей военной или иной государственной службы. Вводимые ограничения должны быть соразмерными указанным целям. Запрещается принятие подзаконных нормативных правовых актов, ограничивающих права и свободы человека и гражданина. Законом не могут устанавливаться ограничения прав и свобод в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено Конституцией.

Оспариваемые нормы, по мнению Самедова С.А., ограничивают доступ к правосудию, на повторное рассмотрение дела вышестоящим судом, а равно и на судебную защиту. На основании изложенного, субъект обращения просит признать оспариваемые положения противоречащими Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 10 сентября 2018 года данное обращение было принято к производству только в части проверки конституционности абзаца четвёртого подпункта “а” пункта 1 и абзаца четвёртого подпункта “а” пункта 2 Ставок государственной пошлины, утверждённых постановлением Правительства Кыргызской Республики от 18 июля 1994 года № 521. В остальной части было отказано в принятии к производству, ввиду наличия решения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики по данному вопросу.

23 ноября 2018 года заявитель внес дополнение к своему ходатайству, в котором уточнил свои требования по проверке оспариваемых норм. В частности, им было внесено уточнение о необходимости проверки конституционности только абзаца четвертого подпункта “а” пункта 1 вышеуказанных Ставок государственной пошлины на соответствие части 3 статьи 16, пункту 8 части 5 статьи 20, а также абзацу первому части 1 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики. В остальной части своих требований просил оставить их без рассмотрения.

В судебном заседании обращающаяся сторона поддержала свои

требования и просит их удовлетворить. Представитель стороны — ответчика Сарымсаков М.Б. отметил, что Жогорку Кенешем Кыргызской Республики принят Кодекс Кыргызской Республики о неналоговых доходах, который в соответствии с Законом Кыргызской Республики от 10 августа 2018 года “О введении в действие Кодекса Кыргызской Республики о неналоговых доходах” вступил в силу с 1 января 2019 года. При этом Закон Кыргызской Республики “«О государственной пошлине» вышеуказанным законом признан утратившим силу.

Сарымсаков М.Б. отметил, что ставки государственной пошлины имеют определенную градацию. Наличие такой градации направлено на учет особенностей и возможностей лиц, подающих иски. При этом законодатель предусмотрел случаи освобождения, отсрочки, рассрочки уплаты государственной пошлины, что обеспечивает гражданам возможность обращения в суд для защиты своих нарушенных прав и законных интересов.

Целью взыскания государственной пошлины является покрытие издержек государственных органов, и не направлено на получение доходов.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что государственные пошлины хотя и взимаются в связи с оказанием индивидуальной услуги, но не могут рассматриваться как договорные платежи. Государственная пошлина как платеж, взимается в индивидуальном порядке в связи с оказанием лицу услуги публично — правового характера.

Он подчеркнул, что пошлина выплачивается в связи с выполнением государственных функций органами государственной власти, действуя в общих интересах. Уплата государственной пошлины при подаче искового заявления в суд сопряжена с правом конкретного лица на судебную защиту и определяется общественно полезной функцией суда — поддержанием режима законности.

В соответствии со статьей 3 Закона Кыргызской Республики от 10 августа 2018 года “О введении в действие Кодекса Кыргызской Республики о неналоговых доходах”, Правительству Кыргызской Республики поручено в шестимесячный срок пересмотреть ставки государственной пошлины в сторону уменьшения по исковым заявлениям имущественного характера.

Также решением Комитета Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по экономической и фискальной политике от 23 октября 2018 года Правительству Кыргызской Республики поручено в месячный срок внести на согласование Жогорку Кенеша Кыргызской Республики соответствующий проект постановления Правительства Кыргызской Республики, направленный на уменьшение ставки государственной пошлины по оспариваемой норме.

На основании вышеуказанных документов Министерством

юстиции разработан соответствующий проект постановления Правительства Кыргызской Республики “Об утверждении ставок государственной пошлины”.

В частности, данным проектом постановления предусмотрено снижение ставок государственной пошлины, установленных подпунктом “а” пункта 1 Ставок государственной пошлины, утвержденных постановлением Правительства Кыргызской Республики от 18 июля 1994 года № 521, посредством установления единого порядка исчисления размера государственной пошлины с исковых заявлений, подаваемых в суды как физическими, так и юридическими лицами.

Указанный проект постановления Правительства Кыргызской Республики письмом за № 27-71/182 от 27 декабря 2018 года внесен на согласование Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. С учетом изложенного, представитель Правительства Кыргызской Республики Сарымсаков М.Б. оставил разрешение ходатайства заявителя на усмотрение Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики.

Представитель Аппарата Президента Кыргызской Республики Мурзалиева Ж.Н. полагает, что одной из основных причин изменения порядка оплаты государственной пошлины явилось резкое увеличение количества необоснованных обращений в суды.

В связи с чем, в целях предупреждения таких обращений была введена уплата государственной пошлины при подаче иска в суд, с возможностью освобождения малоимущих граждан от ее уплаты. По ее мнению, 10-процентная ставка государственной пошлины по имущественным спорам может быть реальным препятствием к правосудию.

При этом, несмотря на то, что гражданским процессуальным законодательством предусмотрен институт освобождения, рассрочки и отсрочки государственной пошлины, механизмы их применения остаются нереализованными в полной мере.

Представитель Верховного суда Кыргызской Республики Курманалиев К.У. считает, что действующий порядок оплаты государственной пошлины не ущемляет права граждан на судебную защиту, поскольку Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики предусматривает институт освобождения лиц полностью или частично от уплаты государственной пошлины, а также ее отсрочку или рассрочку в связи с имущественным положением. Курманалиев К.У. также отметил, что Законом Кыргызской Республики “О введении в действие Кодекса Кыргызской Республики о неналоговых доходах” Правительству Кыргызской Республики поручено пересмотреть размер ставок государственной пошлины в сторону уменьшения по исковым заявлениям имущественного характера. Во исполнение указанного Закона Правительством Кыргызской Республики внесен в Жогорку

Кенеш Кыргызской Республики соответствующий проект постановления Правительства Кыргызской Республики. С учетом изложенного, представитель Верховного суда Кыргызской Республики Курманалиев К.У. ходатайство Самедова С.А. считает несостоятельным, поскольку вопрос уменьшения размера ставок государственной пошлины подлежит разрешению путем внесения изменений в действующее законодательство.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики, обсудив доводы сторон, выслушав пояснения иных лиц и исследовав материалы дела, пришла к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 19 конституционного Закона “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики” Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики по данному делу является абзац четвертый подпункта “а” пункта 1 Ставок государственной пошлины, утверждённых постановлением Правительства Кыргызской Республики от 18 июля 1994 года № 521, следующего содержания:

«1. С подаваемых в суд исковых заявлений, в том числе по преддоговорным спорам, с заявлений (жалоб) по делам особого производства, с апелляционных и кассационных жалоб (кроме льготных), а также за выдачу судом копий (дубликатов) документов государственная пошлина взимается в следующих размерах:

а) с исковых заявлений при цене: свыше 10 000 сомов	10 процентов от цены иска
---	---------------------------

Постановление Правительства Кыргызской Республики от 18 июля 1994 года № 521 принято в соответствии с порядком, установленным законодательством, рассматриваемая редакция оспариваемой нормы была принята постановлением Правительства Кыргызской Республики от 19 февраля 2015 года № 75, опубликована в газете “Эркин Тоо” от 6 марта 2015 года № 17-18. Обозначенное постановление внесено в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. В Конституции Кыргызской Республики закреплён принцип равенства всех перед законом и судом (часть 3 статьи 16). Равенство всех перед законом проявляется в единстве права, которое применяется

одинаково ко всем субъектам процессуальных правоотношений и в общем смысле гарантирует право равного доступа к суду и равенства состязательных возможностей и обеспечивает, чтобы обращение со сторонами в таких разбирательствах было свободным от какой бы то ни было дискриминации.

Эта гарантия запрещает также любые различия в отношении доступа к судам, не основанные на законе и не могущие быть оправданными по объективным и разумным основаниям.

По вопросам равенства всех перед законом и судом Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики неоднократно выражала свою правовую позицию. В частности, в Решении от 11 мая 2016 года было отмечено, что любая дифференциация правового регулирования, приводящая к различиям в правах и обязанностях субъектов права, должна осуществляться законодателем с соблюдением требований Конституции Кыргызской Республики, в том числе вытекающих из принципа равенства, в силу которых различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им.

Принцип равенства распространяется не только на непосредственно признаваемые Конституцией Кыргызской Республики права и свободы, но и на связанные с ними другие права, приобретаемые на основании закона. Данные конституционные принципы корреспондируются с положениями статьи 26 Международного пакта “О гражданских и политических правах”, которыми закрепляются гарантии права каждого человека на равенство всех перед законом и на равную защиту закона.

Вышеуказанные конституционные принципы недискриминации и равенства, применяемые судом при отправлении правосудия, имеют существенное значение для обеспечения гарантии доступа граждан к справедливому суду и принятию им справедливого решения, а равно и поддержанию принципа доверия граждан к государству и закону.

Субъекты права при равных условиях должны находиться в равном положении, если же условия не являются равными, законодатель вправе устанавливать для них различный правовой статус. Конституционный принцип, предполагающий равный подход к формально равным субъектам, не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, а равенство перед законом не исключает фактических различий и необходимости их учета законодателем.

В рассматриваемом аспекте право на равенство всех перед законом и судом находится в тесной системной взаимосвязи с правом на судебную защиту, гарантированным пунктом 8 части 5 статьи 20 и

статьей 40 Конституции Кыргызской Республики, которое не подлежит никакому ограничению и выступает в качестве гарантии всех остальных прав и свобод человека и гражданина.

Право на судебную защиту также закреплено в статье 8 Всеобщей декларации прав человека, в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, участницей которых является Кыргызская Республика.

3. Обеспечение права граждан на судебную защиту является важным признаком правового государства. Судебная защита является универсальным, а потому наиболее эффективным способом защиты нарушенных прав и свобод личности. При этом уровень судебной защиты прав граждан выступает показателем демократичности самого общества.

Право на судебную защиту применительно к гражданскому судопроизводству трансформируется, в первую очередь, в право на обращение в суд (доступ к правосудию). Доступность правосудия означает недопустимость принятия норм, блокирующих доступ граждан к правосудию. Не имея доступа к правосудию, лицо не может реализовать свое право на судебную защиту в полном объеме. Только реально обеспеченное право на судебную защиту придает смысл обращению лица в суд. Таким образом, право на правосудие есть основная гарантия, предоставляемая гражданину государством для реализации прав, свобод и охраняемых законом интересов.

Конституционно — правовой смысл данного права раскрывался также в решениях Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 9 декабря 2015 года, от 24 января 2018 года, от 1 ноября 2018 года.

Так, в решении от 1 ноября 2018 года было отмечено, что право на судебную защиту является базисом правового государства и позволяет обеспечить, в случае необходимости, восстановить гарантированные Конституцией Кыргызской Республики другие права и свободы человека и гражданина.

Правосудие осуществляется только судом посредством судопроизводства в рамках одной из процессуальных форм, позволяющей наиболее последовательно и полно реализовать такие принципы отправления правосудия, как доступ к правосудию, состязательность, справедливость, беспристрастность, независимость суда. Доступ к правосудию следует рассматривать как принцип процессуальных отраслей права, и как начало, которое пронизывает все законодательство о судостроительстве и судопроизводстве.

В этом смысле доступ к правосудию напрямую связан с определенными условиями, которые носят не только процессуальный, но и фактический характер. При этом предусмотренная законодатель-

ством широкая возможность для обращения за судебной защитой не означает, что любое лицо, с любым требованием, при любых обстоятельствах и в свободной форме может обратиться в суд, который возбудит гражданское судопроизводство и вынесет решение.

Заявленное в суд требование, за защитой которого обращается заинтересованное лицо, может быть предметом судебного разбирательства только при наличии у такого лица субъективного права на обращение за судебной защитой.

В соответствии со статьей 4 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики любое заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, то есть возникновение и реализация субъективного права на доступ к правосудию на стадии возбуждения гражданского судопроизводства, прежде всего, обусловлены наличием или отсутствием определенных юридических фактов (условий).

Именно эти юридические факты выступают в качестве неперенных элементов возбуждения гражданского дела в суде первой инстанции, так как с ними законодатель связывает как наличие права на доступ к правосудию, так и возможность его реализации. Их отсутствие является основанием для отказа в принятии, возвращения или оставления без движения заявления заинтересованного лица. При этом обременительные судебные расходы в действительности делают обращение в суд невозможным при всей формальной доступности последнего.

4. Судебные расходы представляют собой затраты, которые несут участвующие в деле лица, по поводу и в связи с рассмотрением и разрешением гражданского дела в суде. В соответствии со статьей 101 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела в суде. Взыскание государственной пошлины преследует компенсационную и превентивную цели. Если компенсационная цель обеспечивает возмещение части государственных средств, выделяемых на содержание судов, то превентивная, в свою очередь, предупреждает неосновательные обращения в суд и побуждает лиц к добровольному исполнению обязанностей перед управомоченными лицами.

Такая правовая позиция была высказана Конституционной палатой Верховного суда Кыргызской Республики в Решении от 24 января 2018 года. Однако размер государственной пошлины не обязательно должен быть эквивалентен понесенным в связи с отправлением правосудия затратам, и обязан определяться законодателем на основе принципов справедливости и соразмерности исходя из цели обеспечения публичного порядка в конкретной сфере общественных отношений и характера прав, реализация которых связывается

с необходимостью уплаты государственной пошлины. Размер государственной пошлины должен быть обоснованным, иначе говоря, необходимо сопоставлять с целями, ради которых установлена государственная пошлина, и в тоже время ставки не должны ограничивать право граждан на доступ к правосудию.

Согласно действующему правовому регулированию, ставки государственной пошлины дифференцированы в зависимости от цены иска и характера заявленных требований. Ставки государственной пошлины по делам, рассматриваемым судами, различаются не только по видам юридически значимых действий, но и по характеру заявленных исковых требований. Выполнение установленных законодательством правил может создавать определённые трудности для заинтересованных лиц при обращении в суд, и в то же время оно выступает определенным механизмом для предупреждения необоснованной подачи спора в суд. Если такие правила обусловлены значимыми целями, то возникающие в связи с этим препятствия будут отвечать критериям разумности и целесообразности, не ставя под сомнение саму возможность реализации права на судебную защиту, следовательно, и доступность правосудия, как законодательную гарантию её реализации в гражданском процессе.

Поскольку государственная пошлина представляет собой денежную сумму, подлежащую уплате участвующим в деле лицом, вопрос о размере этой суммы имеет немаловажное значение, прежде всего, для плательщика. В данном контексте Конституционная палата в своём Решении от 24 января 2018 года отметила, что государственная пошлина в рамках гражданского судопроизводства не должна быть чрезмерной или неразумной, чтобы не нарушать принцип доступности правосудия. Ставки государственной пошлины должны отражать разумные пределы и не обременять лицо таким образом, чтобы их уплата становилась реальным препятствием доступа к правосудию.

Соответственно, определение должного баланса между интересами лица, обращающегося в суд за защитой своих нарушенных прав и интересами правосудия, является необходимым условием для законодателя, чтобы определить разумные пределы ставок государственной пошлины и четкий порядок предоставления льгот по ее уплате. При определении размеров государственной пошлины необходимо соотносить суммы, которые могут быть получены от её взимания, и затраты на финансирование судебной деятельности по гражданским делам, исходя из того, что государственная пошлина является целевым сбором, назначение которого состоит в том, что он в принципе должен только в определенной мере покрывать расходы на соответствующую публичную деятельность, в данном случае — деятельность по отправлению правосудия.

Однако сумма государственной пошлины, установленная в оспариваемой норме в размере 10 процентов при цене иска свыше 10 000 сом, подаваемых истцами, является несоразмерно высокой, в условиях, когда уровень доходов и жизни населения страны является относительно низким. Соответственно, при обращении в судебные органы по гражданско — правовым спорам, связанным с имуществом, обладающим высокой стоимостью, лицам приходится уплачивать необоснованно высокую государственную пошлину, что является обременительным и фактически делает обращение в суд невозможным при всей формальной доступности правосудия.

В то же время законодатель в пункте 2 Ставок государственной пошлины, утвержденных постановлением Правительства Кыргызской Республики от 18 июля 1994 года № 521, предусмотрел иные виды ставок государственной пошлины для исковых заявлений, подаваемых в суды, рассматривающих экономические и административные дела. Так, государственная пошлина с исковых заявлений имущественного характера при цене иска от 500 тысяч сомов до 2 млн. 500 тысяч сомов составляет 20 тысяч сомов + 2 процента от суммы иска свыше 500 тысяч сомов. Такая диспропорция в дифференциации государственной пошлины по искам, подаваемым в суд по гражданским и экономическим делам является несправедливым и неоправданным с точки зрения доступа к правосудию, ибо существенно ограничивает право на судебную защиту, гарантированную Конституцией Кыргызской Республики, поскольку из — за непомерно высоких ставок государственной пошлины реализация права на судебную защиту по гражданским делам становится декларативной, несмотря на наличие норм Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики об освобождении, рассрочке и отсрочке уплаты государственной пошлины.

В связи с чем, из — за несоразмерно высоких ставок государственной пошлины из юрисдикции судов исключается целый ряд гражданских исков, тем самым предоставляя некий иммунитет от гражданской ответственности некоторым категориям лиц — что не соответствует принципу равенства всех перед законом и судом, а также нарушает право на судебную защиту (часть 3 статьи 16, пункт 8 части 5 статьи 20, часть 1 статьи 40 Конституции).

Вместе с тем, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики полагает, что отмена действия оспариваемой нормы приведет к вакууму в правовом регулировании вопросов реализации права на судебную защиту.

В этой связи, исходя из принципа разумной сдержанности органа конституционного контроля, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики считает возможным принятие решения о неконституционности оспариваемой нормы с отлагательным условием.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 1 части 6, частями 8 и 9 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 46, 47, 48, 51 и 52 конституционного Закона “О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики”, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л А:

1. В целях исключения правового вакуума в вопросе уплаты государственной пошлины признать абзац четвёртый подпункта “а” пункта 1 Ставок государственной пошлины, утверждённых постановлением Правительства Кыргызской Республики от 18 июля 1994 года № 521, противоречащим части 3 статьи 16, пункту 8 части 5 статьи 20, абзацу первому части 1 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики с 16 апреля 2019 года.

2. Правительству Кыргызской Республики внести соответствующие изменения в правовое регулирование ставок государственной пошлины не позднее срока, установленного пунктом 1 настоящего Решения, и вытекающие из его мотивировочной части.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционной палаты и в “Вестнике Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики”.

Мероприятия в государствах-членах Евразийской ассоциации органов конституционного контроля

Международная конференция Конституционного Суда России

14-17 мая т.г. в городе Санкт-Петербурге (Российская Федерация) прошел IX Петербургский международный юридический форум.

Форум начал свою работу с международной конференции на тему: «Конституционная идентичность и универсальные ценности: искусство соразмерности». Ее организатором выступил Конституцион-

ный Суд Российской Федерации.

В международной конференции участвовали заместитель Председателя Европейского Суда по правам человека, судья от Федеративной Республики Германия Ангелика Нуссбергер; Первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации Серков П.П.; заместитель Председателя Европейской Комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Совета Европы, член Комиссии от Чешской Республики Вероника Билкова; Председатель Верховного Суда Индии Р.Гогой; Директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Хабриева Т.Я.; Председатель Конституционного Суда Боснии и Герцеговины Кнежевич З., член Конституционного Совета Казахстана У. Шапак, а также ряд известных правоведов.

Международная конференция, посвященная 25-летию Конституционного Суда Беларуси

30 мая 2019 года в г. Минске состоялась международная конференция на тему “Современное конституционное развитие: роль конституционного контроля в конституционализации права”, посвященная 25-летию Конституционного Суда Республики Беларусь.

В работе конференции участвовали руководство Республики Беларусь, представители органов конституционного контроля зарубежных стран, Европейской комиссии за демократию через право Совета Европы (Венецианской комиссии) и других международных организаций, а также видные ученые — правоведы стран ближнего и дальнего зарубежья.

На открытии конференции К. Мамаи как Председатель данной Ассоциации выступил с приветственным словом от имени Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии и поздравил белорусских коллег с знаменательными событиями. Обращаясь к участникам форума, он отметил, что четверть века — это небольшой по историческим меркам период. Однако в этом отрезке времени в стране реализованы масштабные преобразования, связанные с утверждением принципов правового государства.

Кроме того, в первой пленарной сессии Председатель Конституционного Совета выступил с докладом на тему: “Верховенство права — вектор конституционного развития Республики Казахстан”. По его словам, одним из трендов современного конституционного развития является верховенство права. Ряд его аспектов берет свое начало из Основного Закона.

Наша общая главная цель - это достижение такого состояния правового развития, при котором на основе конституции обеспечивается верховенство права. Конституционная модернизация государств, говоря языком экономистов, имеет мультипликативный эффект и затрагивает все сферы жизнедеятельности, задавая им нужный темп.

Усилия же органов конституционного контроля направлены на создание атмосферы всеобщего уважения и реализации конституционных ценностей, резюмировал глава казахстанской делегации.

31 мая 2019 года Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко принял руководителей зарубежных органов конституционного контроля, прибывших в г. Минск для участия в мероприятиях, посвященных

25-летию Конституционного Суда Республики Беларусь.

В тот же день под председательством Председателя Конститу-

ционного Совета Казахстана состоялось заседание Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. В нем также приняли участие представители органов конституционной юстиции Армении, Беларуси, Азербайджана, Кыргызстана и России.

В качестве специального гостя участвовала первый Вице — Президент Венецианской комиссии госпожа Хердис Кьерульф Торгейрсдоттир.

Открывая мероприятие, Председатель Конференции К.Мами отметил, что за 22 года наша организация состоялась как региональная ассоциация. Она способствует углублению сотрудничества между ее членами и дает возможность для обсуждения общих вопросов, связанных с реализацией, возложенной на нас миссии.

Членами организации принято решение о переименовании Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии в Евразийскую ассоциацию органов конституционного контроля.

В качестве ее отличительных элементов утверждены новые атрибуты Ассоциации: логотип и флаг, а также учрежден нагрудный знак.

Кроме того, участники Ассоциации обсудили вопросы организации 5-го Конгресса Всемирной конференции по конституционному правосудию, который состоится в Алжире в 2020 году. От имени данной региональной структуры выдвинуты кандидатуры на позиции модераторов, основных докладчиков, содокладчиков и обобщающих спикеров. Стороны также решили о проведении заседания Ассоциации в рамках всемирного конгресса.

Кроме того, главы делегаций проинформировали друг друга о состоявшихся в их странах мероприятиях и планах дальнейшего сотрудничества.

К. Мами выразил благодарность Председателю Конституционного Суда Республики Беларусь П. Миклашевичу за возможность организации данной встречи коллег.

**Протокол
заседания Конференции органов конституционного контроля
стран новой демократии**

31 мая 2019 года

г. Минск

Присутствовали:

Члены Конференции по списку

Повестка дня:

1. Переименование Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии
2. Утверждение новых атрибутов Ассоциации: логотипа и флага
3. Участие в 5-м Конгрессе Всемирной конференции по конституционному правосудию в Алжире: выдвижение кандидатур модераторов и докладчиков, проведение заседания и другие вопросы
4. Заслушивание членов Ассоциации о состоявшихся мероприятиях и планах на будущее
5. Иные вопросы сотрудничества в рамках Ассоциации

Переименование Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии

(Мами К.А., Казанцев С.М., Киргизбаев К.М.)

1. Переименовать Конференцию органов конституционного контроля стран новой демократии в Евразийскую ассоциацию органов конституционного контроля.
2. Определить, что Евразийская ассоциация органов конституционного контроля является правопреемником Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии.

Утверждение новых атрибутов Ассоциации

(Мами К.А., Маврин С.П., Киргизбаев К.М., Хачатрян А.Г.)

1. Утвердить новый логотип Ассоциации согласно приложению 1 к настоящему протоколу.
2. Учредить флаг Ассоциации и утвердить его изображение согласно приложению 2 к настоящему протоколу.
3. Разослать эскизы логотипа и флага Ассоциации всем ее членам для использования в официальных мероприятиях.

4. На основе логотипа изготовить нагрудный знак Ассоциации.

Участие в 5 — м Конгрессе Всемирной конференции по конституционному правосудию

(Мами К.А., Абдуллаев Ф.С., Маврин С.П., Хачатрян А.Г., Хердис КЬБЕРУЛЬФ-ТОРГЕЙРСДОТТИР)

1. Информацию Председателя Конференции о 5-м Конгрессе Всемирной конференции по конституционному правосудию принять к сведению.

2. Выдвинуть следующих представителей Ассоциации для выступления в качестве докладчиков, содокладчиков, обобщающих спикеров и модераторов: Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан К. Мами, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькин, Председатель Конституционного Суда Азербайджанской Республики Ф.Абдуллаев, Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь П.Миклашевич, Председатель Конституционного Суда Республики Армения Г. Товмасян.

3. Членам Ассоциации до 15 сентября текущего года направить свои ответы на Вопросник 5-го Конгресса.

Заслушивание членов Ассоциации о состоявшихся мероприятиях и планах на будущее

(Мами К.А., Миклашевич П.П., Маврин С.П., Абдуллаев Ф.С.)

1. Информацию глав делегаций принять к сведению.

2. Членам Ассоциации по возможности принять участие в мероприятиях, организуемых органами конституционного контроля — участниками ассоциации.

Иные вопросы сотрудничества в рамках Ассоциации

(Мами К.А., Маврин С.П., Абдуллаев Ф.С.)

1. Членам Ассоциации на регулярной основе направлять материалы в Конституционный Совет Республики Казахстан для публикации в Вестнике организации.

Председатель Ассоциации

К. Мами

СПИСОК УЧАСТНИКОВ
заседания Конференции органов конституционного контроля
стран новой демократии
(конференц-зал «Премьер», «Президент-отель»)

Конституционный Суд Азербайджанской Республики
Фархад АБДУЛЛАЕВ   Председатель Конституционного Суда
Азербайджанской Республики
Рауф КУЛИЕВ   Руководитель Аппарата Конституционного
Суда Азербайджанской Республики

Конституционный Суд Республики Армения
Ашот ХАЧАТРЯН   Судья Конституционного Суда
Республики Армения

Конституционный Суд Республики Беларусь
Петр МИКЛАШЕВИЧ   Председатель Конституционного Суда
Республики Беларусь

Конституционный Совет Республики Казахстан
Кайрат МАМИ   Председатель Конституционного Совета
Республики Казахстан, Председатель
Конференции
Бакыт НУРМУХАНОВ   Руководитель Аппарата Конституцион
ного Совета Республики Казахстан
Нурыш ТАСБОЛАТОВ   Заместитель заведующего отделом
Аппарата Конституционного Совета
Республики Казахстан

**Конституционная палата Верховного Суда
Кыргызской Республики**
Куанбек КИРГИЗБАЕВ   Заместитель Председателя Конституци
онной палаты Верховного суда
Кыргызской Республики

Конституционный Суд Российской Федерации
Сергей МАВРИН   Заместитель Председателя Конститу
ционного Суда Российской Федерации
Сергей КАЗАНЦЕВ   Судья Конституционного Суда
Российской Федерации

Специальные гости
Хердис КЬЕРУЛЬФ-ТОРГЕЙРСДОТТИР   Первый заместитель
Председателя
Венецианской комиссии
Татьяна МЫШЕЛОВА   Руководитель отдела
внешних связей
Венецианской комиссии

**Конституционное
П Р А В О С У Д И Е**

Вестник
Евразийской ассоциации органов
конституционного контроля

Выпуск 1 (79)

Адрес редакции: 010000, г. Нур-Султан, ул. Кунаева, 39
Тел.: 74-76-52, факс: 74-76-51
e-mail: okr@ksrk.gov.kz
www.ksrk.gov.kz

Статьи Вестника «Конституционное правосудие»
публикуются в авторской редакции